

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
27 March 2020
Russian
Original: English

Комиссия международного права

Семьдесят вторая сессия

Женева, 27 апреля — 5 июня

и 6 июля — 7 августа 2020 года

Четвертый доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств

Подготовлен Специальным докладчиком Павлом Штурмой*

Содержание

	<i>Стр.</i>
Часть первая — Введение	3
I. Обзор работы над темой	3
A. Резюме обсуждений в Шестом комитете	5
B. Общий подход (методология) доклада	7
Часть вторая — Воздействие правопреемства государств на формы ответственности	10
II. Общие вопросы	10
III. Воздействие правопреемства государств на формы ответственности	13
A. Проблемы, возникающие в связи с различными формами возмещения	13
1. Реституция	13
2. Компенсация	18
3. Сатисфакция	23
B. Прекращение и неповторение деяния	33
1. Прекращение	34

* Специальный докладчик хотел бы поблагодарить г-на Милана Липовского, доктора юриспруденции, старшего преподавателя юридического факультета Карлова университета, Прага, и г-на Теджаса Рао, бакалавра искусств/бакалавра права (с отличием) Гуджаратского национального юридического университета, Гандинагар, за их помощь в подготовке настоящего доклада.

2.	Экскурс: составные деяния	36
3.	Заверения и гарантии неповторения	39
	Часть третья — Будущая работа	44
IV.	Будущая программа работы	44
Приложение		
	Текст проектов статей, предложенных в четвертом докладе	45

Часть первая — Введение

I. Обзор работы над темой

1. На своей шестьдесят девятой сессии в мае 2017 года Комиссия постановила включить в свою текущую программу работы тему «Правопреемство государств в отношении ответственности государств» и назначила г-на Павла Штурму Специальным докладчиком по этой теме. На той же сессии Специальный докладчик представил — в качестве основы для первоначального обсуждения темы на последующем этапе той же сессии — свой первый доклад по этой теме¹, в котором излагался подход к работе над темой, рамки исследования и предполагаемый результат, а также предварительная программа работы. Специальный докладчик предложил также четыре проекта статей: проект статьи 1 (Сфера применения), проект статьи 2 а)–d) (Употребление терминов), проект статьи 3 (Релевантность соглашений о правопреемстве государств в отношении ответственности) и проект статьи 4 (Односторонние заявления государства-преемника).

2. С учетом обсуждений, проведенных в Комиссии и Шестом комитете в 2017 году, к семидесятой сессии (2018 год) Специальный докладчик подготовил свой второй доклад, который включал семь новых проектов статей², а именно: проект статьи 5 (Случаи правопреемства государств, подпадающие под действие настоящих проектов статей), проект статьи 6 (Общее правило), проект статьи 7 (Отделение частей государства), проект статьи 8 (Новые независимые государства), проект статьи 9 (Передача части территории государства), проект статьи 10 (Объединение государств) и проект статьи 11 (Разделение государства). Эти статьи касаются главным образом вопроса о возможной передаче обязательств, возникающих из международно-противоправных деяний государства-предшественника. Комиссия рассмотрела эти доклады в ходе второй части своей шестьдесят девятой сессии в июле 2017 года, и затем также в ходе второй части своей семидесятой сессии в июле 2018 года и передала все проекты статей в Редакционный комитет. Впоследствии Комиссия приняла к сведению промежуточный доклад Председателя Редакционного комитета в отношении проектов статей 1, 2, 5 и 6, принятых Комитетом в предварительном порядке.

3. На своей семьдесят первой сессии (2019 год) Комиссия рассмотрела третий доклад Специального докладчика³. В этом докладе Специальный докладчик, помимо некоторых общих вопросов (часть первая), исследовал вопросы возмещения вреда, причиненного международно-противоправным деянием, совершенным против государства-предшественника, а также против граждан (национальных лиц) государства-предшественника. В этой связи он предложил проект статьи 12 (Случаи правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать), проект статьи 13 (Объединение государств), проект статьи 14 (Разделение государств) и проект статьи 15 (Дипломатическая защита). Кроме того, Специальный докладчик внес предложения технического характера касательно структуры проектов статей, включая новые проекты статей X и Y (которым впоследствии будут присвоены номера), касающиеся сферы

¹ Первый доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, подготовленный Специальным докладчиком Павлом Штурмой (A/CN.4/708).

² Второй доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, подготовленный Специальным докладчиком Павлом Штурмой (A/CN.4/719).

³ Третий доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, подготовленный Специальным докладчиком Павлом Штурмой (A/CN.4/731).

применения части II и сферы применения части III. Все эти предложения были переданы в Редакционный комитет.

4. Члены Комиссии в целом приветствовали третий доклад и выразили признательность за меморандум Секретариата, содержащий информацию о международных договорах, которые могут иметь отношение к будущей работе Комиссии по этой теме⁴. В своих замечаниях по методологии и общим аспектам доклада некоторые члены Комиссии высоко оценили проведенный Специальным докладчиком обзор соответствующей практики государств, судебной практики и доктрины, тогда как другие члены предостерегли от избыточного цитирования научных трудов. Члены Комиссии согласились со Специальным докладчиком в том, что проекты статьи должны рассматриваться, как носящие субсидиарный характер, и преимущественную силу имеют соглашения между соответствующими государствами. В то время как одни члены Комиссии поддержали гибкий подход Специального докладчика, другие подчеркнули необходимость уточнить, предполагает ли такой подход отклонение от так называемого «общего правила» об отсутствии правопреемства. Было предложено также, чтобы Комиссия прямо указала, что проекты статей предлагаются в контексте ее работы по прогрессивному развитию международного права. Некоторые члены особо отметили также важность сохранения единообразия как в вопросах терминологии, так и по существу, с предыдущей работой Комиссии. В частности, это касается положений Венской конвенции 1978 года о правопреемстве государств в отношении договоров⁵ и Венской конвенции 1983 года о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов⁶, а также статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния⁷ и статей о дипломатической защите⁸. Несколько членов предложили изменить название темы на «Проблемы/аспекты ответственности государств в случае правопреемства государств», как было предложено в ходе прений в Шестом комитете, или на «Правопреемство государств в вопросах международной ответственности», используемое Институтом международного права. Несколько других членов высказались за сохранение нынешнего названия темы.

5. Хотя в 2019 году Комиссия рассмотрела третий доклад Специального докладчика только в ходе второй части своей сессии, по просьбе Специального докладчика она вернулась к своему традиционному методу работы. В период между сессиями Специальный докладчик подготовил несколько проектов комментариев, и Комиссия смогла принять в предварительном порядке проекты статей 1, 2 и 5 с комментариями к ним⁹. Кроме того, Редакционный комитет продолжил, но из-за нехватки времени не завершил рассмотрение других проектов статей, переданных ему до настоящего времени. До завершения сессии 2019 года Председатель Редакционного комитета представил промежуточный доклад по проектам статей 7 (Деяния, носящие длящийся характер) и 8 (Присвоение поведения повстанческого или иного движения), а также по проекту статьи 9, появившемуся в результате объединения трех изначально

⁴ Правопреемство государств в отношении ответственности государств: информация о договорах, которые могут иметь отношение к будущей работе Комиссии по этой теме. Меморандум Секретариата (A/CN.4/730).

⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 1946, No. 33356, p. 3.

⁶ A/CONF.117/14.

⁷ *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 26, п. 76.

⁸ *Ежегодник... 2006*, т. II (часть вторая), с. 26, п. 50.

⁹ См. доклад Комиссии о работе ее семьдесят первой сессии, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят четвертая сессия, Дополнение № 10 (A/74/10)*, pp. 117–118.

предложенных статей о случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать¹⁰.

A. Резюме обсуждений в Шестом комитете

6. В ходе прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в 2019 году несколько делегаций высказали замечания по докладу Комиссии по этой теме, включая третий доклад Специального докладчика, а также по будущей программе работы над темой¹¹. В своих выступлениях делегации в целом с удовлетворением отметили третий доклад. В частности, большинство государств поддержали подход Специального докладчика, который базируется на том понимании, что проекты статей носят субсидиарный характер и что приоритет следует отдавать договорам между соответствующими государствами, как заявлено в пункте 2 проекта статьи 1.

7. Примечательно, что все делегации, которые выразили свои мнения по проектам статей 1, 2 и 5, принятым в предварительном порядке с комментариями, их поддержали. Такая позитивная оценка как традиционного метода работы (обеспечение открытого и всестороннего сотрудничества между Комиссией и Шестым комитетом)¹², так и содержания вышеупомянутых проектов статей важна, несмотря на заявление одной страны, которая с удовлетворением отметила проект статьи 1 и не высказала возражений в отношении других проектов статей, указав, что в них не затрагиваются потенциально проблемные аспекты этой темы¹³.

8. Большинство делегаций (Египет, Индия, Исламская республика Иран, Куба, Нидерланды, Республика Корея, Румыния, Словакия, Словения, Судан, Турция и Ямайка) указали на то, что в своей работе Комиссии следует придерживаться единообразия, как в использовании терминов, так и в вопросах существа, с ее предыдущей работой, а именно с Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении договоров и Венской конвенцией о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов, а также с другими документами, принятыми по итогам ее работы, включая статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния и статьи о дипломатической защите. Специальный докладчик разделяет эту точку зрения и намерен рассмотреть данный вопрос в следующем разделе своего доклада. Конкретизируя свою позицию относительно структуры проектов статей, одна делегация отметила, что Комиссии следует взять за основу Венскую конвенцию о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов, которая организована по категориям правопреемства¹⁴.

9. Еще один общий вопрос, затронутый в ходе прений, касается ограниченного и неоднородного характера практики государств и, следовательно, природы норм, отраженных в проектах статей. Хотя большинство делегаций разделили

¹⁰ См. заявление Председателя Редакционного комитета, 2019 год. Опубликовано на веб-сайте Комиссии в разделе «Документы семьдесят первой сессии»: <https://legal.un.org/ilc/sessions.shtml>.

¹¹ См. подготовленное Секретариатом тематическое резюме обсуждений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи в ходе ее семьдесят четвертой сессии (A/CN.4/734).

¹² Выраженная, например, Норвегией, выступившей от имени стран Северной Европы (*Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят четвертая сессия, Шестой комитет, 31-е заседание (A/C.6/74/SR.31)*, п. 66).

¹³ Заявление Российской Федерации (*там же, 32-е заседание (A/C.6/74/SR.32)*, п. 72).

¹⁴ , п. 74.

мнение, с которым согласился и Специальный докладчик, о том, что соответствующая практика государств скудна и зависима от конкретных условий, они пришли к разным выводам. Некоторые делегации поддержали сбалансированный и осмотрительный подход Специального докладчика (Вьетнам, Малайзия, Мексика, Португалия, Словакия, Словения, страны Северной Европы, Сьерра-Леоне, Эстония и Ямайка). Другие делегации (Исламская Республика Иран, Италия, Куба, Нидерланды, Румыния и Соединенные Штаты Америки), как представляется, признали полезность этой темы для целей прогрессивного развития международного права. И наконец, некоторые делегации (Австрия, Российская Федерация¹⁵ и Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии¹⁶) усомнились в наличии тенденции к формированию норм международного права применительно к данной теме.

10. Вместе с тем представляется, что Австрия в своем заявлении исходила из предположения, что предлагается принять норму автоматического правопреемства¹⁷. Другие делегации не интерпретировали доклад и предложенные проекты статей таким образом (Вьетнам, Куба, Нидерланды, Португалия, Словения, страны Северной Европы и Ямайка). Вместо этого они с удовлетворением отметили, что в докладе не утверждается никакого автоматического правопреемства в отношении прав и обязанностей, вытекающих из международно-противоправных деяний. Одна из делегаций даже сочла некоторые предложенные решения недостаточными, истолковав пункт 2 проекта статьи 9 с поправками, внесенными Редакционным комитетом, как выражение принципа «чистого листа»¹⁸. Специальный докладчик, конечно, учтет все замечания и рассмотрит их в общем и методологическом разделе доклада.

11. В своих замечаниях относительно формы окончательного результата работы Комиссии над этой темой некоторые государства однозначно поддержали идею придания ему формы проектов статей, другие не выразили сомнений в этой связи или сочли предпочтительным рассмотреть вопрос о форме позднее (Италия, Куба, Мексика, Нидерланды, Португалия, Словакия, страны Северной Европы, Судан, Сьерра-Леоне и Чешская Республика). Другие делегации высказались в пользу иной формы, например проектов положений или принципов (Исламская Республика Иран, Румыния и Соединенные Штаты), руководящих указаний или выводов (Беларусь) или аналитического доклада (Российская Федерация).

12. Что касается замечаний по конкретным проектам статей, предложенным в третьем докладе, то относительно предложения по проекту статьи 15 (Дипломатическая защита) мнения разделились. Делегации в целом поддержали эту статью, при этом некоторые из них особо отметили важность обеспечения ее соответствия со статьями о дипломатической защите (Индия, Малайзия, Словакия и Эстония). Немногие делегации высказались против включения этого проекта статьи (Австрия и Нидерланды).

¹⁵ , п. 67.

¹⁶ , пп. 9–10.

¹⁷ Там же, 31-е заседание (A/C.6/74/SR.31), пп. 80–83.

¹⁸ См. заявление Чешской Республики: «Было бы неправильно утверждать, что в таких ситуациях переговоры между потерпевшим государством и государством-преемником будут начинаться с «чистого листа». По этой причине пункт 2 вызывает разочарование и его следует пересмотреть в интересах усиления и защиты позиции потерпевшего государства» (там же, 32-е заседание (A/C.6/74/SR.32), п. 101).

В. Общий подход (методология) доклада

13. С учетом некоторых мнений, высказанных по этой теме в ходе прений на семьдесят первой сессии Комиссии (2019 год), и мнений, высказанных некоторыми делегациями в Шестом комитете в ходе рассмотрения этой темы, Специальный докладчик считает полезным вернуться к некоторым общим аспектам темы. Специальный докладчик с признательностью принимает все замечания, так как они являются неотъемлемой частью тщательного анализа сложных правовых вопросов, внутренне присущих данной теме, и способствуют продвижению вперед работы над ней. Они обеспечивают неоценимую обратную связь и задают направления для будущей работы. Они также могут указывать на необходимость дополнительных уточнений и устранения возможных недоразумений. Специальный докладчик рассмотрит эти замечания и предложения при обсуждении вопросов, к которым они в первую очередь относятся. На данном этапе он хотел бы остановиться на тех замечаниях, в которых поднимаются вопросы, имеющие более широкие последствия для рассматриваемой темы.

14. Прежде всего Специальный докладчик напоминает о тех общих соображениях, которые он вкратце представил в семи пунктах своего третьего доклада для последующего учета в работе по этой теме¹⁹. Все они сохраняют свою релевантность и в контексте настоящего доклада. Разумеется, они не затрагивают продолжающейся работы Редакционного комитета над проектами статей, переданными ему на рассмотрение на предыдущих сессиях Комиссии.

15. Первый вывод, касающийся вспомогательного характера проектов статей и приоритета соглашений между соответствующими государствами, был поддержан большинством членов Комиссии и государствами в ходе прений в Шестом комитете. Это также в полной мере отражено в пункте 2 проекта статьи 1, принятого Комиссией в предварительном порядке. В этих обстоятельствах возвращаться к рассмотрению данного вопроса нет необходимости.

16. То же самое, в значительной мере, можно сказать и о втором выводе, согласно которому в ходе работы над этой темой должно быть сохранено единообразие — как в терминах, так и в материально-правовых аспектах, с предыдущими результатами работы Комиссии. Это пожелание было выражено многими делегациями в Шестом комитете. Важно отметить, что такое единообразие полностью прослеживается в проектах статей 1, 2 и 5, принятых Комиссией в предварительном порядке. Что касается других уже предложенных статей, то продолжающееся обсуждение в Редакционном комитете и выводы, к которым он придет, непременно развеют некоторые сомнения, например в отношении проекта статьи 15 (Дипломатическая защита).

17. Тем не менее вопрос о единообразии также имеет гораздо более широкие последствия. Например, нормы Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов можно рассматривать как тесно связанные с нормами, касающимися обязательств, возникающих из международно-противоправных деяний. Стоит заметить, что согласно таким нормам, вопрос подлежит урегулированию на основании соглашения между соответствующими государствами. В отсутствие такого соглашения в случаях разделения государств, отделения, уступки или передачи территории государственный долг государства-предшественника «переходит к государству-преемнику [преемникам] в справедливой доле с учетом, в частности, имущества, прав и интересов, которые переходят к

¹⁹ Третий доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/731), пп. 17–23.

государству-преемнику [преемникам] в связи с данным государственным долгом»²⁰.

18. Понятие справедливости, справедливой доли или справедливого распределения прав и обязанностей представляется важным. Его даже называли «ключом ... ко всей проблеме правопреемства государств»²¹. Даже при том, что Специальный докладчик не настаивает, под предлогом сохранения единообразия, на механическом переложении норм, применимых к государственным долгам, на нормы в отношении ответственности государств, такие нормы, в частности концепция справедливых долей, можно было бы принять во внимание не только в контексте продолжающегося обсуждения в Редакционном комитете, но и при рассмотрении новых проектов статей, предлагаемых в настоящем докладе.

19. Более важный момент заключается в том, что в работе над этой темой будет обеспечено единообразие со статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния, которые многими рассматриваются как отражающие нормы международного обычного права²². Как отмечалось Специальным докладчиком в его третьем докладе, то обстоятельство, что практика государств в этом вопросе не отличается убедительностью, не означает что ответственность за международно-противоправное деяние «прекращается с правопреемством государств»²³. Напротив, такие нормы продолжают применяться, однако правопреемство государств может отразиться на порядке их применения. Если во втором и третьем докладах рассматривался вопрос о том, могут ли (и если да, то при каких обстоятельствах) обязательства и права, вытекающие из международно-противоправных деяний, переходить к государству-преемнику или государствам-преемникам, то в настоящем докладе будет рассмотрен вопрос о содержании и формах ответственности государств. Он основывается на общих нормах ответственности государств. Вместе с тем доклад и новые проекты статей, которые будут предложены, должны помочь внести дополнительную ясность в вопросы воздействия правопреемства государств на правовые последствия ответственности государств в целом и различные формы возмещения ущерба в частности.

20. Это относится и к третьему общему аспекту, направленному на уточнение подхода, применяемого Специальным докладчиком. Признание того факта, что «практика государств разнородна, зависима от контекста и носит чувствительный характер», не должно использоваться таким образом, чтобы практически полностью исключить возможность не только кодификации, но и любого предметного обсуждения вопроса о правопреемстве государств в отношении международной ответственности. Правопреемство государств случается сравнительно редко или, по меньшей мере, не так часто, как, например, дипломатические

²⁰ Статьи 37, 40 и 41 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов.

²¹ См. D.P. O'Connell, *The Law of State Succession*, Cambridge University Press, 1956, p. 268. См. также V.D. Degan, "Equity in matters of State succession", в R. St. J. Macdonald (ed.), *Essays in Honour of Wang Tieya*, Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1993, pp. 201–210, at p. 207; и W. Czaplinski, "Equity and equitable principles in the law of State succession", в M. Mrak (ed.), *Succession of States*, The Hague, Martinus Nijhoff, 1999, pp. 61–73, at p. 72.

²² См., например: *Archer Midland Company and Tate and Lyle Ingredients Americas, Inc. v. The United Mexican States*, Case No. ARB(AF)/04/05, Award of 21 November 2007, International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID), para. 116; и *Biwater Gauff (Tanzania) Ltd. v. United Republic of Tanzania*, Case No. ARB/05/22, Award of 24 July 2008, ICSID, paras. 773–774. См. также P. Daillier, "The development of the law of responsibility through the case law", в J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility*, Oxford University Press, 2010, pp. 37–44, at pp. 41–44.

²³ Третий доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/731), п. 19.

сношения, договорная практика или другие операции, обычно имеющие место в отношениях между государствами. Отсюда следует, вполне очевидно, что требование наличия всеобщей практики в качестве одного из элементов выявления международного обычного права нельзя применять слишком строго. В противном случае кодификация норм о правопреемстве государств не была бы возможной даже в других областях, таких как правопреемство в отношении договоров или в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов.

21. В частности, приходится вновь подчеркнуть, что недостаточность и неубедительность практики государств не позволяет ссылаться на существование принципа «чистого листа» как на правовую основу, регулирующую отношения между государствами в целом²⁴, при этом обратный принцип автоматического правопреемства также нельзя принять за общее правило. Это никоим образом не ставит под сомнение применимость принципа «чистого листа» в случаях, когда государство-преемник является новым независимым государством, если только соглашением между соответствующими государствами не предусмотрено иное²⁵.

22. Особенность права правопреемства государств состоит в том, что в большинстве случаев сложные правовые проблемы решаются путем заключения соглашений. Такие соглашения многочисленны, как показано в меморандуме Секретариата²⁶, и они образуют практику государств. Их не следует сбрасывать со счетов, ссылаясь на их зависимость от конкретных исторических, политических и культурных условий. Такая аргументация была бы односторонней и сомнительной, ведь она исключает возможность существования других возможных мотивов, таких как мирное урегулирование споров, соображения справедливости и разумности. Кроме того, подобный довод можно было бы без труда привести и в отношении любого договора или даже любой обычной нормы международного права. Все нормы международного права сложились под воздействием более или менее явных политических интересов или соображений, не утратив при этом своей правовой природы²⁷. Несмотря на свою специфичность, такие соглашения позволяют выявить некоторые общие элементы, которые могут служить основой для выявления общих, но вспомогательных норм, применимых только в отсутствие специального соглашения, достигнутого соответствующими государствами.

²⁴ Там же, п. 19.

²⁵ См. статью 38 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов. См. также проект статьи 9 настоящих проектов статей (Случаи правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать), в котором предлагаемое для нового независимого государства решение, по сути, согласуется со статьей 38 Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов.

²⁶ Правопреемство государств в отношении ответственности государств: информация о договорах, которые могут иметь отношение к будущей работе Комиссии по этой теме. Меморандум Секретариата (A/CN.4/730).

²⁷ На теоретическом уровне см. M. Koskeniemi, *From Apology to Utopia: the Structure of International Legal Argument*, reissue with a new epilogue, Cambridge University Press, 2005, pp. 590–591 and 613–615.

Часть вторая — Воздействие правопреемства государств на формы ответственности

II. Общие вопросы

23. В настоящем докладе будет рассмотрен вопрос о том, как правопреемство государств влияет на формы международной ответственности государств. По образцу статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 года в докладе будут исследованы все формы ответственности и все юридические последствия, которые могут быть применимы даже в ситуациях правопреемства государств. Эти последствия описываются как порождающие «новые правовые взаимоотношения, которые возникают после совершения государством международно-противоправного деяния»²⁸.

24. Очевидно, что в работе над настоящей темой основное внимание будет уделено формам возмещения ущерба как ключевому вопросу в ситуациях правопреемства государств. Применимость различных форм возмещения в каждом конкретном случае во многом зависит не только от того, передаются обязательства и права, возникающие из ответственности, или нет (этот вопрос рассматривался в во втором и третьем докладах и в предложенных к настоящему времени проектах статей), но и от наличия материальной (фактической) возможности у ответственных государств предоставить возмещение в той или иной форме. Иными словами, анализ и новые проекты статей в докладе должны надлежащим образом учитывать как *правовые* ограничения, так и *материальную реальность*, возникающую из факта правопреемства. Оба эти фактора влияют на возможность предоставления государством-предшественником и/или государством-преемником или государствами-преемниками возмещения в той или иной форме.

25. Выражаясь иначе, в докладе ставится цель сохранить соответствие со статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния, включая нормы о формах ответственности. Он строится на выводах, сделанных на основе обсуждения вопроса о возможности перехода обязательств или прав применительно к различным категориям правопреемства государств. Во-первых, в нем признается продолжающаяся применимость общих норм об ответственности государств в отношении государства-предшественника, если это государство не имеет материальной возможности предоставить ту или иную конкретную форму возмещения. Во-вторых, в нем учитываются особые обстоятельства, наличие которых является основанием для предоставления государством-преемником или государствами-преемниками определенных форм возмещения.

26. Разделы доклада и предлагаемые в них соответствующие проекты статей структурированы не по категориям правопреемства и не в привязке к конкретным случаям, когда государство-предшественник продолжает или перестает существовать. Вместо этого в них рассматриваются общие формы правовых последствий международно-противоправных деяний. Следовательно, проекты статей и анализ, лежащий в их основе, призваны отразить наличие в современном праве об ответственности государств двух комплексов последствий, что предполагает проведение различия между возмещением в узком смысле слова²⁹ и его

²⁸ Там же, с. 86, п. 1) комментария к статье к части второй статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния.

²⁹ См. статью 31 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния:

тремя формами — реституцией, компенсацией и сатисфакцией³⁰ — и обязанностью по прекращению и неповторению деяния³¹. В решении по делу *Вооруженная деятельность на территории Конго* Международный Суд четко разграничил вопрос о предоставлении заверений и гарантий неповторения и вопрос о возмещении причиненного вреда³².

27. В отличие от статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния в настоящем докладе сначала будут рассмотрены три формы возмещения как имеющие общее применение. С одной стороны, даже в ситуациях правопреемства государств государство-предшественник или государство-преемник или оба эти государства, в зависимости от обстоятельств, должны нести обязанность по предоставлению возмещения в одной или более формах. То, в каких именно формах (если это вообще возможно) возмещение может быть эффективным образом истребовано государством-предшественником или государством-преемником либо от того, или другого, зависит от фактических обстоятельств каждого конкретного случая. С другой стороны, обязанности по прекращению и предоставлению заверений и гарантий неповторения нуждаются в более глубоком анализе на предмет их применимости в ситуациях правопреемства государств. Это объясняется тем, что они зависят от ряда правовых и фактических условий, таких как то, остается ли нарушенное обязательство в силе для данного государства и носит ли противоправное деяние длящийся характер.

28. Поэтому сначала в настоящем докладе будут рассмотрены формы возмещения в ситуациях правопреемства государств. Затем будет исследован вопрос о возможном воздействии правопреемства государств на другие обязанности, вытекающие из международно-противоправных деяний.

29. Прежде чем приступить к рассмотрению форм возмещения ущерба необходимо вкратце остановиться на одном общем вопросе. Речь идет о предполагаемом противоречии между принципом полного возмещения, прочно закрепленным в праве об ответственности государств³³, в том числе в статьях об

«1. Ответственное государство обязано предоставить полное возмещение вреда, причиненного международно-противоправным деянием.

2. Вред включает любой ущерб, материальный или моральный, нанесенный международно-противоправным деянием государства» (*там же*, с. 91).

³⁰ См. статьи 35, 36 и 37 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *там же*, сс. 96–107. Их содержание будет рассмотрено позднее.

³¹ См. статью 30: «Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано:

а) прекратить это деяние, если оно продолжается;
 б) предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства» (*там же*, с. 88).

³² См. *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*, Judgment, I.C.J. Reports, 2005, p. 168, at pp. 255 et seq. См. также *LaGrand (Germany v. United States of America)*, I.C.J. Reports 2001, p. 466, at p. 513, para. 125.

³³ Это так, несмотря на довольно мягкую формулировку в деле *О фабрике в Хожуве*: «Принципом международного права является то, что нарушение обязательства влечет за собой обязательство обеспечить возмещение в адекватной форме» (*Case concerning the Factory at Chorzów, Judgment No. 8 (Claim for Indemnity) (Jurisdiction) of 26 July 1927*, P.C.I.J., Series A, No. 9, p. 1, at p. 21). Принцип полного возмещения был подтвержден, например, в деле *Вооруженная деятельность на территории Конго* (см. сноску 32 выше), p. 257, para. 259; или в консультативном заключении по делу *Обязанности и обязательства государств, поручившихся за физических и юридических лиц применительно к деятельности в Районе (Responsibilities and obligations of States with respect to activities in the Area, Advisory Opinion, 1 February 2011, ITLOS Reports 2011*, p. 10, at p. 62, para. 194).

ответственности государств за международно-противоправные деяния³⁴, и практикой соглашений о единовременной выплате. Этот вопрос поднимался также в ходе прений на пленарном заседании Комиссии во время ее семьдесят первой сессии в 2019 году. По мнению некоторых членов Комиссии, следует обсудить взаимосвязь между соглашениями о единовременной выплате компенсации, заключенным до даты правопреемства государств, и принципом полного возмещения ущерба. В этой связи было высказано мнение о том, что наличие соглашения о единовременной выплате необязательно предполагает полное возмещение³⁵.

30. Это важно, потому что в случаях правопреемства государств соглашения, заключаемые между соответствующими государствами, гораздо чаще предусматривают не возмещение в полном объеме, а некий механизм урегулирования, что характерно для соглашений о единовременных выплатах. Действительно, в международной практике сравнительно часто встречаются соглашения о единовременных выплатах, по условиям которых в порядке погашения требований в полном объеме выплачивается определенная денежная сумма³⁶. Это имеет место и во многих других случаях, не связанных с правопреемством государств.

31. В общем плане можно отметить два момента. Во-первых, хотя такие соглашения также представляют собой практику государств, эта практика варьируется и определяется многими неюридическими соображениями. Отсюда следует, что, хотя они представляют собой действительные международные соглашения, судить по ним о существовании той или иной нормы международного обычного права может быть затруднительно³⁷. Во-вторых, хотя принцип полного возмещения остается общей нормой международного обычного права, эта норма носит диспозитивный, а не императивный (*jus cogens*) характер. В силу этого соответствующие государства вольны договариваться о возмещении в меньшем объеме. В частности, ключевое значение имеет позиция пострадавшего государства, поскольку оно находится в положении хозяина дела (*dominus negotii*). Оно может отказаться от своих требований полностью или потребовать их удовлетворения лишь в определенной доле³⁸.

32. Это соображение в полной мере применимо даже в ситуациях правопреемства государств. Кроме того, в контексте данной конкретной темы следует вновь подчеркнуть вспомогательный характер проектов статей и приоритет соглашений между соответствующими государствами. Какие бы договоренности ни были достигнуты между соответствующими государствами, они не меняют и не ставят под сомнение общие нормы ответственности государств. Даже в предлагаемых проектах статей, несмотря на то, что предпочтение отдается полному возмещению, признается также, что в рамках *lex specialis* между соответствующими государствами могут существовать различные виды соглашений о порядке урегулирования вопросов, касающихся вреда, который не был возмещен потерпевшему государству в полном объеме до момента правопреемства государств.

33. В настоящем докладе правопреемство государств в отношении ответственности государств рассматривается не как передача ответственности как таковой, а как передача прав и обязанностей, вытекающих из международной

³⁴ См. статью 31 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (сноска 29 выше).

³⁵ См. доклад Комиссии о работе ее семьдесят первой сессии (сноска 9 выше), с. 301, п. 90.

³⁶ См., например, R.B. Lillich and B.H. Weston, *International Claims: Their Settlement by Lump Sum Agreements*, vols. 1–2, New York, University Press of Virginia, 1975; и B.H. Weston, R.B. Lillich and D. J. Bederman, *International Claims: Their Settlement by Lump Sum Agreements, 1975–1995*, Ardsley (NY), Transnational Publishers, 1999.

³⁷ См. R. Kolb, *The International Law of State Responsibility: an Introduction*, Cheltenham, Elgar, 2017, p. 155.

³⁸ *Ibid.*, p. 149.

ответственности государства-предшественника³⁹. Судья ad hoc Креча пришел к тому же выводу в своем отдельном мнении по делу *Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Хорватия против Сербии)*⁴⁰. Этот вывод подкрепляется также проектом статьи 6 (Отсутствие влияния на присвоение), принятым в предварительном порядке Редакционным комитетом. Кроме того, речь идет не об автоматическом правопреемстве (так как ответственность, как правило, лежит на государстве-предшественнике), а о передаче, обусловленной наличием особых обстоятельств.

III. Воздействие правопреемства государств на формы ответственности

A. Проблемы, возникающие в связи с различными формами возмещения

34. При рассмотрении темы форм ответственности в ситуациях правопреемства государств следует в первую очередь изучить вопрос о том, как правопреемство влияет на возмещение во всех его формах. В классическом варианте принцип полной репарации и примата реституции был изложен в деле *О фабрике в Хожуве*. Согласно вынесенному по этому делу решению, «возмещение должно, насколько это возможно, ликвидировать все последствия противоправного деяния и восстановить ситуацию, которая, по всей вероятности, существовала бы, если бы это деяние не было совершено. Реституция в натуре или, если это невозможно, выплата суммы, соответствующей размеру реституции в натуре»⁴¹.

1. Реституция

35. Реституция является главным средством правовой защиты или приоритетной формой возмещения в международном праве⁴².

36. В принципе эта традиционная доктрина была подтверждена Комиссией в принятых ею статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в частности в статье 35⁴³. Однако то, как сформулирована

³⁹ См. первый доклад Специального докладчика о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/708), п. 75.

⁴⁰ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia), Judgment, Separate Opinion of Judge ad hoc Kreća, I.C.J. Reports 2015*, p. 3, at pp. 491–492, para. 65.4: «Преемственность в отношении ответственности in personam не является strict sensu юридически возможной. ...Даже если ответственность государства за действия или бездействие другого государства установлена на основании согласия на наследование ответственности, речь не идет strict sensu о преемстве в отношении ответственности как о субъективной, intuitu personae категории, а о принятии на себя последствий ответственности в надлежащей форме».

⁴¹ *Case concerning the Factory at Chorzów, Judgment No. 13 (Merits) of 13 September 1928, P.C.I.J., Series A, No. 17*, p. 1, at p. 47.

⁴² С. Gray, “The different forms of reparation: restitution”, in J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility* (см. сноску 22 выше), pp. 589–598.

⁴³ Статья 35 гласит следующее: «Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано осуществить реституцию, то есть восстановить положение, которое существовало до совершения противоправного деяния, если и в той мере, в какой реституция:

а) не является материально невозможной;
б) не влечет за собой бремя, которое совершенно непропорционально выгоде от получения реституции вместо компенсации» (*Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 96).

статья 35, а именно положения, исключаящие реституцию в случае ее «материальной невозможности» и возникновения «совершенно непропорционального бремени», свидетельствует о принятии гибкого подхода. Это находит отражение и в комментариях к статье, где Комиссия, несмотря на приверженность примату реституции, неоднократно признает, что реституция часто невозможна или недоступна⁴⁴.

37. Подход, применяемый Специальным докладчиком в настоящем докладе, согласуется с подходом, избранным Комиссией в ее работе над статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния, и основывается на критерии «материальной невозможности». Вместе с тем он подчеркивает, что материальная невозможность не ограничивается случаями, когда объект, составляющий предмет спора, уничтожен, и может возникать в более сложных ситуациях⁴⁵. Невозможность осуществления реституции (по меньшей мере, без содействия со стороны государства-преемника) может возникать также в результате территориальных изменений в случаях правопреемства государств.

38. Прежде чем выдвигать конкретные предложения, возможно, будет полезно напомнить о том, какие формы реституции бывают. Известно, что реституция принимает две основные формы, т.е. материальную и юридическую⁴⁶. Материальная реституция может включать освобождение частных лиц, незаконным образом захваченных или задержанных, возвращение незаконным образом захваченного имущества или незаконным образом оккупированной территории или возврат конфискованного судна или изъятых документов. Например, в деле *Британские претензии в испанской зоне Марокко* арбитражный суд обязал Испанию заменить незаконно уничтоженные консульские помещения⁴⁷.

39. Материальная реституция (возвращение имущества) имеет место и в ситуациях правопреемства государств. Например, в 1958 году Франция и Объединенная Арабская Республика, «стремясь к урегулированию проблем, возникших в отношениях между ними после событий в октябре и ноябре 1956 года, и движимые желанием восстановить культурные, экономические и финансовые отношения между двумя странами», заключили Генеральное соглашение⁴⁸. В соответствии с его преамбулой Соглашение «в отношении Объединенной Арабской Республики применяется только к египетской территории»⁴⁹. В статье 5 Соглашения предусмотрено, что «снятие секвестра с имущества и возвращение имущества его владельцам с восстановлением их прав или выплата в порядке покрытия эквивалентной стоимости любых таких активов, которые не

⁴⁴ См. пункты 3) и 4) комментария к статье 35 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, там же, сс. 96–97.

⁴⁵ См. *Affaire des forêts du Rhodope central [Forests of Central Rhodopia]*, *Arbitral Award of 29 March 1933*, *United Nations, Reports of International Arbitral Awards (UNRIAA)*, vol. III, pp. 1405–1436, at p. 1432.

⁴⁶ См. С. Gray, “The different forms of reparation: restitution” (сноска 44 выше), at p. 590.

⁴⁷ *Affaire des biens britanniques au Maroc espagnol [British Claims in the Spanish Zone of Morocco]*, *Arbitral Award of 1 May 1925*, UNRIAA, vol. II, pp. 615–742, at p. 722.

⁴⁸ Генеральное соглашение [между Францией и Объединенной Арабской Республикой], подписанное в Цюрихе 22 августа 1958 года, *United Nations, Treaty Series*, vol. 732, No. 10511, p. 85, preamble. См. также: Правопреемство государств в отношении ответственности государств: информация о договорах, которые могут иметь отношение к будущей работе Комиссии по этой теме. Меморандум Секретариата (A/CN.4/730), пп. 73–78.

⁴⁹ Генеральное соглашение, преамбула. Согласно статье 3 Генерального соглашения «правительство Объединенной Арабской Республики обязуется прекратить с даты вступления в силу настоящего Соглашения действие специальных мер, принятых в отношении французских граждан или в отношении их имущества и прав, в соответствии с положениями настоящего Соглашения и приложений к нему».

возвращаются, осуществляются согласно процедуре, установленной в Протоколе № II, который составляет неотъемлемую часть настоящего Соглашения»⁵⁰.

40. Юридическая реституция означает изменение или отмену правовой меры, принятой в нарушение международного права, будь то административное или судебное решение или законодательный акт⁵¹. В практике имеется несколько примеров. Одним из них является решение по делу *Мартини*, в котором арбитражный суд постановил, что Венесуэла обязана аннулировать решение внутреннего суда, вынесенное в нарушение договорных обязательств перед Италией⁵². В деле *Лагранды* Германия изначально добивалась юридической реституции в форме отмены решения национального суда, утверждая, что Соединенные Штаты задержали, судили и приговорили к смертной казни двух немецких граждан без предоставления им консульского доступа⁵³. Далее, в деле *Ордер на арест от 11 апреля 2000 года* Международный Суд согласился с требованием Демократической Республики Конго и обязал Бельгию отозвать и аннулировать международный ордер на арест⁵⁴. В некоторых случаях может применяться как материальная, так и юридическая реституция⁵⁵.

41. Однако в определенных ситуациях правопреемства государств реституция — как материальная, так и юридическая — может оказаться практически неосуществимой. Даже если государство-предшественник продолжает существовать, это государство может не быть в состоянии произвести реституцию, поскольку спорное имущество находится уже не на его территории, а на территории государства-преемника. Так было в случае, когда Черногории (государству-преемнику) было предписано выполнить обязательство после ее отделения от Государственного союза Сербии и Черногории⁵⁶.

42. В современном международном праве некоторые соглашения (например, мирные соглашения), предусматривающие реституцию (а также другие формы возмещения), затрагивают также прямые права отдельных лиц, несмотря на то, что имело место правопреемство государств. Например, в Общем рамочном соглашении о мире в Боснии и Герцеговине прямо предусмотрено право вернуться домой и право на возвращение имущества лицам, пострадавшим в результате войны в бывшей Югославии. В статье 1 приложения 7 к Соглашению предусматривается, что «все беженцы и перемещенные лица имеют право свободно вернуться в места своего первоначального проживания. Они имеют право на возвращение им имущества, которого они лишились в ходе военных действий

⁵⁰ *Ibid.*, art. 5.

⁵¹ См. С. Gray, “The different forms of reparation: restitution” (сноска 44 выше), at pp. 591–593.

⁵² *Martini (Italy v. Venezuela)*, *Arbitral Award of 3 May 1930*, UNRIIAA, vol. II, p. 975.

⁵³ *LaGrand* (см. сноску 32 выше), p. 466.

⁵⁴ *Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium)*, *Judgment*, *I.C.J. Reports 2002*, p. 3, at pp. 31–32, para. 76.

⁵⁵ См., например, *Appeal from a Judgment of the Hungaro-Czechoslovak Mixed Arbitral Tribunal (The Peter Pázmány University)*, *Judgment of 15 December 1933*, Permanent Court of International Justice, *Series A/B*, No. 61, p. 207. В этом деле Палата постановила, что Чехословакия был «обязана вернуть Королевскому венгерскому будапештскому университету им. Петера Пазмани требуемое им недвижимое имущество без какой-либо переуступки, принудительного управления или секвестра и в том состоянии, в каком оно было до применения данных мер» (*ibid.*, at p. 249).

⁵⁶ См. *Bijelić v. Montenegro and Serbia*, *Application no. 11890/05*, *Judgment of 28 April 2009*, Second Section, European Court of Human Rights; и *Mytilineos Holdings SA v. 1. The State Union of Serbia and Montenegro, 2. Republic of Serbia*, *Partial Award on Jurisdiction of 8 September 2006*, United Nations Commission on International Trade Law, para. 158.

начиная с 1991 года, и на получение компенсации за любое имущество, которое не может быть им возвращено»⁵⁷.

43. Аналогичным образом, в случаях, касающихся сооружения плотин, каналов или использования общих природных ресурсов, может сложиться такая ситуация, когда только государство-преемник в состоянии осуществить реституцию, поскольку соответствующий объект находится на его территории. Например, в деле *Проект «Габчико-Надьмарош»*⁵⁸ Венгрия адресовала свое требование лишь одному из государств-преемников, поскольку только Словакия смогла бы остановить отвод вод из Дуная по обводному каналу.

44. Это может иметь место и в случае юридической реституции, осуществляемой посредством принятия законодательных, исполнительных или судебных мер, в зависимости от обстоятельств. Представляется очевидным, что органам государства-преемника может быть предписано внести поправки в законодательный акт, который был принят государством-предшественником и на основании которого на территории государства-преемника сохраняется дискриминация в отношении иностранных граждан. Это государство может также восстановить или возобновить концессию, незаконным образом отозванную или нарушенную его предшественником, когда речь идет о предпринимательской деятельности на территории государства-преемника. Аналогичным образом, суды государства-преемника могут распорядиться об отмене судебного решения, если это решение представляет собой международно-противоправное деяние и если суд, который его вынес, больше не существует или более не обладает компетенцией в отношении территории или граждан нового государства. Это относится и мерам, принимаемым в порядке исполнительного производства⁵⁹.

45. И наконец, общепризнанно, что именно потерпевшее государство вправе выбирать форму возмещения ущерба. Это предусмотрено в статьях об ответственности государств за международно-противоправные деяния, в частности в пункте 2 b) статьи 43⁶⁰. В комментарии к статье 43 также отмечается, что на

⁵⁷ Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, парафировано 21 ноября 1995 года в Дейтоне и подписано 14 декабря 1995 года в Париже. Приложение 7, Соглашение о беженцах и перемещенных лицах, статья 1. См. также E.-C. Gillard, "Reparation for violations of international humanitarian law", *International Review of the Red Cross*, vol. 85, No. 851 (September 2003), pp. 529–553, at p. 544.

⁵⁸ *Gabčíkovo–Nagyymaros Project, (Hungary/Slovakia), Judgment, I.C.J. Reports 1997*, p. 7.

⁵⁹ См. *Bijelić v. Montenegro and Serbia* (сноска 59 выше), в частности п. 62 («Было бы нереалистично ожидать от Сербии, что она могла бы, по смыслу статьи 46 Конвенции [Европейской конвенции по правам человека], осуществить какие-либо отдельные и/или общие меры на территории другого государства. С учетом вышеизложенного сербское правительство заключило, что в части, касающейся Сербии, жалоба несовместима *ratione personae*, и заявило, что признание обратного противоречило бы универсальным принципам международного права»; и пп. 69–78 («Ввиду вышеизложенного, учитывая практические требования статьи 46 Конвенции, а также принцип, согласно которому основные права, защищаемые международными договорами по правам человека, действительно должны принадлежать лицам, живущим на территории соответствующего государства-участника, невзирая на факт его последующего распада или правопреемства ... Суд считает, что и саму конвенцию, и Протокол № 1 следует рассматривать как продолжающие действовать в отношении Черногории. ... И наконец, учитывая тот факт, что оспариваемое производство относится исключительно к компетенции черногорских властей, Суд, не предопределяя результат рассмотрения настоящего дела по существу, постановляет, что жалобы заявителей в отношении Черногории совместимы *ratione personae* с положениями Конвенции и Протокола № 1 к ней»).

⁶⁰ Пункт 2 b) статьи 43 гласит следующее: «Потерпевшее государство может, в частности, указать:

b) какую форму должно принять возмещение в соответствии с положениями части второй» (*Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, п. 119).

предоставление каждой формы возмещения может также «повлиять любой правомерный выбор, который может сделать потерпевшее государство»⁶¹. Поэтому и в этом контексте использование формулировки «может требовать реституции» представляется полностью оправданным.

46. Это верно также и в случаях, когда потерпевшее государство является государством-преемником, которое продолжает страдать от вредных последствий международно-противоправного деяния, совершенного против его государства-предшественника. Этот вопрос рассматривался в третьем докладе Специального докладчика о правопреемстве государств в отношении ответственности государств, в котором также приводились примеры соглашений и случаев, когда государство-преемник, самостоятельно или вместе с государством, продолжающим существовать, имело право на возмещение вреда, причиненного международно-противоправными деяниями, совершенными до момента правопреемства государств⁶². Однако с учетом особых характеристик реституции (например, восстановление поврежденного сооружения, возвращение предметов искусства, репатриация незаконно задержанных граждан) возможность требовать реституции необходимо ограничить случаями, когда от вреда, причиненного международно-противоправным деянием, продолжают страдать территория или люди, находящиеся под юрисдикцией государства-преемника после даты правопреемства государств.

47. В свете вышеизложенного предлагается следующий проект статьи:

Проект статьи 16 **Реституция**

1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано осуществить реституцию, если и в той мере, в какой реституция не является материально невозможной или не влечет за собой совершенно непропорциональное бремя.

2. Если, ввиду природы реституции, только государство-преемник или только одно из государств-преемников в состоянии осуществить такую реституцию или если реституция невозможна без участия государства-преемника, государство, потерпевшее от международно-противоправного деяния государства-предшественника, может потребовать от этого государства-преемника осуществления такой реституции или участия в ее осуществлении.

3. Пункты 1 и 2 не затрагивают какого-либо распределения ответственности или иного соглашения, которое может существовать между государством-преемником и государством-предшественником.

4. Государство-преемник может потребовать реституции от государства, которое совершило международно-противоправное деяние в отношении государства-предшественника, если вред, причиненный этим деянием, продолжает затрагивать территорию или лиц, которые после даты правопреемства государств находятся под юрисдикцией государства-преемника.

⁶¹ Там же, с. 96, п. 4) комментария к статье 4. По вопросу о взаимосвязи между реституцией и компенсацией, см. также Y. Kerbrat, "Interaction between the forms of reparation", in J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility* (сноска 22 выше, pp. 573–587, at pp. 574–576; и C. Gray, "The choice between restitution and compensation", *European Journal of International Law*, vol. 10, No. 2 (1999), pp. 413–423.

⁶² См. третий доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/731), пп. 52–82.

48. Это предложение призвано обеспечить баланс между сохраняющейся применимостью общих норм о формах возмещения (с приоритетом реституции) и материальной невозможностью реституции в результате правопреемства государств. Оно не затрагивает других форм возмещения.

2. Компенсация

49. Одной из форм ответственности является компенсация. Хотя приоритетной формой возмещения в международном праве считается реституция, на практике наиболее распространенным средством правовой защиты является именно компенсация⁶³. Данная обязанность ответственного государства может возникать самостоятельно или в дополнение к реституции, если ущерб, причиненный противоправным деянием, не может быть полностью возмещен посредством реституции⁶⁴.

50. Компенсация является одной из надлежащих форм возмещения материального ущерба. Это отражено в формулировке «любой исчислимый в финансовом выражении ущерб» в пункте 2 статьи 36 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния⁶⁵. Другими словами, она включает все виды убытков и ущерба, поддающихся выражению в денежной сумме. Однако компенсация не обязательно должна производиться в форме денежной выплаты, что встречается чаще всего, и может выражаться также в уступке активов или товаров⁶⁶.

51. Существует несколько важных принципов компенсации, имеющих общее применение. В силу этого они релевантны даже в контексте правопреемства государств и могут быть приняты во внимание в работе над настоящими проектами статей.

52. Первый принцип — это *полное возмещение* (или компенсация в полном объеме), — сформулированный на основе решения по делу *О фабрике в Хожуве*⁶⁷ и нашедший отражение в статьях 34–36 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, а также в более поздних решениях Международного Суда⁶⁸. Этот принцип находит подтверждение и в

⁶³ См., например, J. Barker, “The different forms of reparation: compensation”, в J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility* (сноска 22 выше), pp. 599–611.

⁶⁴ Как четко предусмотрено статьей 36 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния:
«1. Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано компенсировать ущерб, причиненный таким деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией.
«2. Компенсация охватывает любой исчислимый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена» (*Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 98).

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ См. Kolb (сноска 37 выше), pp. 159–160; и J. Verhoeven, “Considérations sur ce qui est commun : cours général de droit international public”, *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 334 (2002), at p. 190.

⁶⁷ См. *Chorzów Factory (Merits)* (сноска 41 выше), at p. 47.

⁶⁸ См., например, *Gabčíkovo–Nagymaros Project* (сноска 61 выше), at p. 81, para. 152; и *Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo)*, *Compensation, Judgment, I.C.J. Reports 2012*, p. 324, at pp. 338, 342–343.

решениях региональных судов⁶⁹ и арбитражных трибуналов⁷⁰. Именно этим обусловлены отсылки к данному принципу в проектах статей X и Y, предложенных в третьем докладе⁷¹, и в новых проектах статей, предлагаемых в настоящем докладе.

53. Следующий принцип, который необходимо учитывать, это принцип *причинности*. Понятие «достаточной компенсации» означает, согласно некоторым решениям и мнениям, высказываемым в доктрине, что компенсированы могут быть только те убытки, которые обоснованно могут считаться возникшими непосредственно из международно-противоправного деяния⁷². Это позволяет государству отказать в компенсации по требованиям в тех случаях, когда причинная связь носит слишком косвенный, отдаленный или неопределенный характер. Это общеприменимое условие может играть особенно важную роль в контексте правопреемства государств. В частности, требование о компенсации, предъявляемое государству-преемнику или государством-преемником, следует считать приемлемым только при наличии четкой прямой связи между убытком или ущербом и действиями органов, территории или граждан (национальных лиц), которые стали органами, территорией или гражданами государства-преемника.

54. Еще одним принципом права ответственности государств, имеющим общее применение, является *усугубление* вреда. Согласно статье 39 статей об ответственности государства за международно-противоправные деяния «при определении возмещения учитывается усугубление вреда намеренным или небрежным действием или бездействием потерпевшего государства либо любого лица или образования, в отношении которого истребуется возмещение»⁷³. Эта норма позволяет ограничить размер компенсации, что для некоторых авторов является вопросом справедливости⁷⁴. Хотя в ее прямом выражении в настоящих проектах статей нет необходимости, она будет действовать *mutatis mutandis* даже в ситуациях правопреемства государств. Действительно, если государство-преемник, с которого в порядке исключения может быть истребована выплата компенсации, заплатило бы больше, чем могло бы быть обязано заплатить государство-предшественник, это противоречило бы всяким представлениям о справедливости.

55. И наконец, необходимо особо отметить роль *справедливости*. Она проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, она может находить отражение в решении, достигнутом сторонами, участвующими в соглашении о одновременной выплате или ином соглашении⁷⁵. Во-вторых, она дает судьям и арбитрам

⁶⁹ См., например, *Papamichalopoulos and Others v. Greece, Application no. 14556/89, Judgment of 31 October 1995*, European Court of Human Rights, *Judgments and Decisions, Series A*, No. 330-B, para. 36; и *Velásquez-Rodríguez v. Honduras, Judgment of 21 July 1989 (Reparations and Costs)*, Inter-American Court of Human Rights, *Series C*, No. 7.

⁷⁰ См., например, *CME v. Czech Republic, Partial Award of 13 September 2001*, ICSID, *ICSID Reports*, vol. 9, p. 113, at pp. 238–239, paras. 615–618; *S. D. Myers Inc. v. Canada, First Partial Award on Liability of 13 November 2000*, *ibid.*, vol. 8, p. 3; и *LG&E Energy Corp., LG&E Capital Corp., LG&E International, Inc. v. Argentina, Case No. ARB/02/1, Award on Damages of 25 July 2007*, ICSID, para. 31.

⁷¹ См. третий доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/731), пп. 66 и 143.

⁷² См., например, *Lusitania, Award of 1 November 1923*, UNRIAA, vol. VII, pp. 32–44; или консультативное заключение по делу *Обязанности и обязательства государств, поручившихся за физических и юридических лиц применительно к деятельности в Районе* (сноска 33 выше), at p. 59, para. 181. См. также J. Crawford, *State Responsibility: the General Part*, Cambridge University Press, 2013, pp. 492 et seq.; и Kolb (сноска 37 выше), p. 161.

⁷³ *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 109.

⁷⁴ См. Kolb (сноска 37 выше), p. 163.

⁷⁵ См. пункты 31–33 выше в этом докладе.

свободу усмотрения при исчислении размера компенсации в тех случаях, когда трудно точно оценить размер ущерба. В таких случаях они обращаются к «разумной и справедливой оценке»⁷⁶. В-третьих, понятие справедливости, как представляется, связано с запрещением *несправедливого обогащения*. Действительно, ни одно государство, включая государство-преемник, не должно получать выгоды от международно-противоправного деяния.

56. Все эти принципы и соображения актуальны и в контексте правопреемства государств. Как уже отмечалось в предыдущих докладах по рассматриваемой теме и в проектах статей, принятых Комиссией в предварительном порядке, даже требования о компенсации должны учитывать, продолжает ли государство-предшественник существовать или оно прекратило свое существование. В принципе, в тех случаях, когда государство-предшественник продолжает существовать, потерпевшее государство вправе требовать компенсацию от этого государства даже после даты правопреемства государств.

57. Из этого правила могут быть некоторые ограниченные исключения. В отличие от реституции, при которой переход обязательства от государства-предшественника к государству-преемнику может быть оправдан материальной невозможностью ее осуществления, в случаях, когда речь идет о компенсации, такой проблемы не возникает. Однако государство, которому причинен вред в результате международно-противоправного деяния государства-предшественника, может требовать компенсации от государства-преемника только в том случае, если того требуют особые обстоятельства. К таким особым обстоятельствам, как указывалось и в предыдущих докладах, относится прямая связь между последствиями противоправного деяния и территорией или населением нового государства или новых государств или тот факт, что субъектом противоправного деяния был орган государства-предшественника, впоследствии ставший органом государства-преемника.

58. Пример территориальной связи можно найти в деле об ущербе, причиненном иностранцам в Антверпене государством-предшественником (Нидерланды) в 1830 году, когда государство-преемник (Бельгия) было обязано выплатить компенсацию за ущерб, имевший место на его территории до обретения независимости⁷⁷.

59. Еще один пример компенсации можно найти в Соглашении между Правительством Итальянской Республики и Правительством Соединенного Королевства Ливии об экономическом сотрудничестве и урегулировании вопросов, вытекающих из резолюции 388 (V) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 15 декабря 1950 года⁷⁸. Статья 5 соглашения, заключенного между Италией и Ливийской Арабской Республикой, предусматривает, что «Ливийское правительство как правопреемник Итальянского Государства по отношению к имущественным правам, упомянутым в предыдущей статье, заявляет, что оно признает имущественные права третьих сторон, которые, следовательно, не могут предъявлять никаких требований к Итальянскому Государству в связи с этими правами». Обменом нотами от 2 октября 1956 года стороны дополнительно подтвердили следующее: «Ливийское правительство заявляет, что

⁷⁶ См., например, *Ahmadou Sadio Diallo* (сноска 71 выше), at pp. 336–338, paras. 27–36; и *Aminoil v. Kuwait, Arbitral Award of 24 March 1982, International Legal Materials*, vol. 21, No. 5 (September 1982), pp. 976–1053.

⁷⁷ См. J. B. Moore, *Digest of International Law*, vol. VI, Washington D.C., 1906, p. 929. См., также M. G. Kohen and P. Dumberry, *The Institute of International Law's Resolution on State Succession and State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries*, Cambridge University Press, 2019, pp. 101–102.

⁷⁸ United Nations, *Treaty Series*, vol. 2328, p. 149.

оно берет на себя ответственность за любую компенсацию, все еще причитающуюся ливийским гражданам в результате экспроприации, проведенной Правительством Италии и бывшей Итальянской администрацией в Ливии»⁷⁹.

60. В более поздних делах имеются примеры передачи обязательств на том основании, что международно-противоправное деяние было совершено органом территориальной единицы, впоследствии ставшим органом государства-преемника⁸⁰. Стоит напомнить о доводах, которые правительство Сербии заявляло в Европейском суде по правам человека по делу *Биелич против Черногории и Сербии*. Тогда Сербия заявила, что «каждая республика в составе Государственного союза Сербии и Черногории обязана защищать права человека на своей собственной территории. ... Во-вторых, само оспариваемое исполнительное производство велось исключительно компетентными черногорскими властями. В-третьих ... Сербия не может считаться ответственной за какие-либо нарушения Конвенции, которые могли иметь место в Черногории до провозглашения ею независимости»⁸¹. Суд пришел к выводу, что ответственность за нарушения Европейской конвенции по правам человека несет Черногория, и постановил, что правительство Черногории должно обеспечить исполнение решения национального суда и выплатить заявителям денежную сумму в качестве возмещения морального вреда⁸².

61. Тот факт, что компенсация является одной из надлежащих форм возмещения даже в ситуациях правопреемства государств, может быть наилучшим образом проиллюстрирован на примере из практики Компенсационной комиссии Организации Объединенных Наций (ККООН). В одном из своих решений Совет управляющих ККООН занял позицию, согласно которой «эти претензии были первоначально представлены Чешской и Словацкой Федеративной Республикой», но по причинам, даже не указываемым в его решении, «компенсация должна быть выплачена правительству Словацкой Республики»⁸³. Еще в одном решении Совет управляющих отметил, что «эти претензии были предъявлены до того, как Чешская и Словацкая Федеративная Республика прекратила свое существование. Присужденные суммы компенсации соответственно подлежат выплате правительствам Чешской Республики и Словацкой Республики»⁸⁴. Аналогичные положения были приняты ККООН в ходе процессов правопреемства

⁷⁹ *Ibid.*, notes I (A) and II (A). См. также: Правопреемство государств в отношении ответственности государств: информация о договорах, которые могут иметь отношение к будущей работе Комиссии по этой теме. Меморандум Секретариата (A/CN.4/730), п. 63.

⁸⁰ См. *Bijelić v. Montenegro and Serbia* (сноска 56 выше).

⁸¹ Там же, п. 62.

⁸² Там же, пп. 92–99. См. В. Е. Brockman-Hawe, “European Court of Human Rights *Bijelic v. Montenegro and Serbia* (Application No. 19890/0), Judgment of 11 June 2009”, *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 59, No. 3 (July 2010), pp. 845–867, at pp. 853–854; и М. Milanovic, “The spatial dimension: treaties and territory”, в С. J. Tams, A. Tzanakopoulos and A. Zimmermann (eds.), *Research Handbook on the Law of Treaties*, Cheltenham, Edward Elgar, 2014, pp. 186–221, at p. 220.

⁸³ Совет управляющих ККООН, решение по первой партии претензий в отношении серьезного физического увечья или смерти (претензий категории В), принятое Советом управляющих Компенсационной комиссии Организации Объединенных Наций на его 43–м заседании, состоявшемся 26 мая 1994 года в Женеве (S/AC.26/Dec.20 (1994)), с. 2, примечание 2.

⁸⁴ Совет управляющих ККООН, Решение по первой партии претензий в связи с отъездом из Ирака или Кувейта (претензии категории А), принятое Советом управляющих Компенсационной комиссии Организации Объединенных Наций на его 46–м заседании, состоявшемся 20 октября 1994 года в Женеве (S/AC.26/Dec.22 (1994)), с. 2, примечание 2.

государств в бывшей Югославии и Союза Советских Социалистических Республик⁸⁵.

62. Возмещение в форме компенсации, несмотря на ее широкое применение, сопряжено с некоторыми юридическими проблемами вообще и в частности, когда дело касается случаев правопреемства государств. В общем плане, несмотря на признание принципа полного возмещения — как фактически понесенных убытков или ущерба (*damnum emergens*), так и упущенной выгоды (*lucrum cessans*), — на практике возникает проблема оценки убытков и ущерба. Эта тема хорошо исследована в комментарии к статье 36 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния⁸⁶ и в научных трудах⁸⁷. В частности, как было отмечено арбитражным трибуналом МЦУИС в деле *Archer Daniels Midland Company* со ссылкой на статью 36, «любое определение ущерба в соответствии с принципами международного права требует наличия достаточно четкой непосредственной связи между противоправным деянием и предполагаемым вредом, с тем чтобы задействовать обязательство произвести компенсацию за такой вред»⁸⁸.

63. В контексте правопреемства государств требование о наличии достаточно четкой прямой связи должно применяться *mutatis mutandis*. Материальная природа компенсации означает, что требование может быть предъявлено государству-предшественнику, если оно продолжает существовать. Однако в исключительных случаях наличие четкой прямой связи между противоправным деянием органа территориальной единицы и причиненным ущербом или между ущербом и территорией или населением государства-преемника предполагает иное, более справедливое решение. Компенсация может быть истребована у государства-преемника или государством-преемником при условии, что это государство продолжает получать выгоду в результате международно-противоправного деяния или страдать от вредных последствий международно-противоправного деяния. Данная формулировка достаточно широка, чтобы охватить различные ситуации и обеспечить соблюдение общего принципа запрещения несправедливого обогащения. При этом понятие четкой прямой связи нуждается в пояснении, по меньшей мере в комментарии.

64. Соображения справедливости также лежат в основе клаузулы «без ущерба» применительно к порядку распределения ответственности или иным договоренностям между государством-преемником и государством-предшественником или другим государством-преемником.

65. В свете вышеизложенного предлагается следующий проект статьи:

⁸⁵ N. Wühler, “The United Nations Compensation Commission: a new contribution to the process of international claims resolution”, *Journal of International Economic Law*, vol. 2, No. 2 (June 1999), pp. 249–272, at pp. 253–254.

⁸⁶ *Ежегодник ... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, комментарий к статье 36, с. 100, пункт 7), и сс. 104–105, пп. 27)–34).

⁸⁷ См., например, I. Marboe, *Calculation of Compensation and Damages in International Investment Law*, Oxford University Press, 2009.

⁸⁸ *Archer Daniels Midland Company and Tate and Lyle Ingredients Americas, Inc. v. the United Mexican States*, Case No. ARB(AF)/04/05, Award of 21 November 2007, ICSID, para. 282.

Проект статьи 17

Компенсация

1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано компенсировать ущерб, причиненный его международно-противоправным деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией.

2. В особых обстоятельствах государство, потерпевшее от международно-противоправного деяния, может требовать компенсации от государства-преемника или одного из государств-преемников при условии, что государство-предшественник перестало существовать или что это государство-преемник продолжает извлекать выгоду из такого деяния после даты правопреемства.

3. Пункты 1 и 2 не затрагивают договоренностей о распределении ответственности или других соглашений, которые могут существовать между государством-преемником и государством-предшественником.

4. Государство-преемник может требовать компенсацию от государства, которое совершило международно-противоправное деяние против государства-предшественника, при условии что государство-предшественник перестало существовать или государство-преемник продолжает страдать от вредных последствий такого международно-противоправного деяния после даты правопреемства.

66. Компенсация, как представляется, действительно является наиболее распространенной формой возмещения в случаях, когда ответственность за международно-противоправные деяния возникла в контексте правопреемства государств. Тем не менее, есть некоторые виды вреда, которые не связаны с материальным ущербом и не могут возмещены посредством реституции или компенсации. Такие случаи морального или юридического вреда следует рассмотреть в разделе, посвященном такой форме возмещения, как сатисфакция.

3. Сатисфакция

67. На первый взгляд представляется, что в контексте правопреемства государств сатисфакция едва ли может быть уместна. Поскольку международно-противоправное деяние, совершенное государством-предшественником, и правопреемство не влияют на присвоение такого деяния этому государству, ситуации, когда было бы уместно ожидать сатисфакции от государства-преемника крайне редки. Тем не менее будет полезно проанализировать конкретные формы нематериального вреда, имеющего сохраняющиеся последствия и непосредственно касающегося территории или органов, ставших территорией или органами государства-преемника.

68. В то же время, если факт правопреемства не отменяет возможность истребования возмещения в других формах, то непонятно, почему такая форма возмещения, как сатисфакция, априори должна быть исключена. Это одна из стандартных и давно сложившихся форм возмещения⁸⁹, как указано в статье 37 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния⁹⁰.

⁸⁹ См., например, *Case concerning the difference between New Zealand and France concerning the interpretation of application of two agreements, concluded on 9 July 1986 between the two States and which related to the problems arising from the Rainbow Warrior Affair, Decision of 30 April 1990*, UNRIAA, vol. XX, pp. 215–284, at pp. 272–273, para. 122.

⁹⁰ «1. Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано предоставить сатисфакцию за вред, причиненный данным деянием, насколько он не может быть возмещен реституцией или компенсацией.

Хотя формулировка указанной статьи носит весьма общий характер, в ней зафиксированы некоторые важные элементы, а именно: понятие вреда, открытый перечень форм сатисфакции и требование пропорциональности. Их необходимо рассмотреть в комментариях.

69. Первый вопрос касается *природы вреда*, который подлежит возмещению посредством сатисфакции. В своем комментарии Комиссия поясняет, что в общем плане сатисфакция «является средством возмещения вреда, не поддающегося финансовой оценке, который представляет собой нанесенное государству оскорбление». Такие виды вреда нередко носят символический характер и возникают из самого факта нарушения обязательства, независимо от его материальных последствий для соответствующего государства⁹¹.

70. Несмотря на общее понимание нематериальной природы такого вреда, в доктрине эта концепция менялась с течением времени. С одной стороны, согласно классическому подходу, «сатисфакция была призвана возместить вред, причиненный чести, достоинству или репутации государства». Это означает, что вред, характеризуемый как «моральный и политический», по существу был связан с нарушениями суверенитета государства⁹². Как справедливо отмечали некоторые авторы, этот подход предполагал присвоение государству качества (честь и достоинства), которыми во внутреннем праве наделялись физические лица⁹³. С этой точки зрения такой моральный вред, как представляется, тесно увязан с двусторонними отношениями соответствующих государств и их субъектностью. Как следствие, в ситуациях правопреемства государств, при которых имеет место смена суверенитета, едва ли могла идти речь об истребовании сатисфакции от государства-преемника или государством-преемником.

71. С другой стороны, современная теория ответственности государств, абстрагируясь от аналогий с внутренним правом (персонализация государства, намерение, халатность), опирается на понятие объективной ответственности, возникающей из нарушения обязательства. Такое нарушение права всегда включает причинение некоего «юридического ущерба». В отличие от морального или политического вреда, который связан с жертвой противоправного деяния, концепция юридического вреда делает возможным выход за рамки исключительно двусторонних отношений между ответственным государством и потерпевшим государством. Она позволяет распространить правовые отношения, возникающие из ответственности государств (по меньшей мере, в некоторых аспектах), на более широкую группу государств или на все государства в составе международного сообщества в зависимости от природы обязательства, нарушенного противоправным деянием⁹⁴.

2. Сатисфакция может заключаться в признании нарушения, выражении сожаления, официальном извинении или выразаться в иной подобающей форме.

3. Сатисфакция не должна быть непропорциональна вреду и не может принимать формы, унижительной для ответственного государства» (*Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 105).

⁹¹ Там же, с. 106, п. 3) комментария к статье 37.

⁹² См. E. Wyler and A. Papaux, "The different forms of reparation: satisfaction", в J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility* (сноска 22 выше), pp. 623–637, at p. 625.

⁹³ *Ibid.*, p. 625.

⁹⁴ См. P.-M. Dupuy, "Faits générateurs et évolution de la légalité internationale", *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, vol. 188 (1984), pp. 78–110, at p. 91; P.-M. Dupuy, "A general stocktaking of the connections between the multilateral dimension of obligations and codification of the law of responsibility", *European Journal of International Law*, vol. 13, No. 5 (2002), pp. 1053–1081, at p. 1070; и E. Wyler and A. Papaux, "The

72. Вышеупомянутые ситуации связаны с нарушениями обязательств, которые не являются двусторонними, но имеют характер «взаимозависимых» и «всеобщих» обязательств. В частности, всеобщие обязательства, которые защищают существенные коллективные интересы группы государств или международного сообщества государств, присутствуют в многосторонних договорах и в нормах международного обычного права или даже в императивных нормах общего международного права (*jus cogens*). К таким коллективным интересам относятся защита прав человека или предотвращение преступлений по международному праву и наказание за них. Как было указано Международным Судом в деле *Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Югославии)*, «у договаривающихся государств нет собственных интересов; все они до единого имеют общий интерес, заключающийся в достижении тех высоких целей, которые являются смыслом существования этой конвенции»⁹⁵.

73. Объективный характер таких обязательств, которые имеют силу *erga omnes*, означает также, что их нарушение влечет за собой юридические последствия ответственности государства, выходящие за рамки простого возмещения морального ущерба (чести и достоинству) одного государства. Если нематериальный (юридический) вред затрагивает все государства, сатисфакция в надлежащей форме может быть истребована и ни одно государство, даже государство-преемник, не может быть лишено такого права.

74. Второй вопрос касается подходящих *форм сатисфакции*. Если классические формы сатисфакции предусматривают принесение извинений и выражение сожаления, то современные формы могут включать и другие надлежащие формы. Они упоминаются в комментарии к статье 37 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Стоит напомнить, что «подходящая форма сатисфакции будет зависеть от обстоятельств и не может быть predetermined заранее. [Такие формы включают] проведение надлежащего расследования причин несчастного случая, который привел к причинению вреда или ущерба, учреждение целевого фонда для управления компенсационными выплатами в интересах бенефициариев, принятие мер дисциплинарной или уголовной ответственности в отношении лиц, чье поведение привело к международно-противоправному деянию»⁹⁶.

75. В частности, наиболее уместной формой сатисфакции в случаях, когда речь идет о серьезных нарушениях обязательств *erga omnes*, а именно обязательств, касающихся преступлений по международному праву, судя по всему, является расследование и наказание лиц, виновных в их совершении. Обязательство наказывать за совершение актов геноцида (и любых других деяний, запрещенных статьей III Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него), передавать лиц, обвиняемых в геноциде или любом другом из этих деяний, в Международный трибунал по бывшей Югославии и оказывать полное содействие Трибуналу было четко подтверждено Международным Судом⁹⁷.

different forms of reparation: satisfaction”, в J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility* (сноска 22 выше), pp. 623–637, at pp. 626–627.

⁹⁵ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia), Preliminary Objections, I.C.J. Reports 1996*, p. 595, at pp. 611–612, para. 22, где цитируется дело *Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, I.C.J. Reports 1951*, p. 15, at p. 23.

⁹⁶ *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 106, п. 5) комментария к статье 37.

⁹⁷ См. *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia), Judgment, I.C.J. Reports 2007*, p. 43, at pp. 234–236, paras. 463–465, and pp. 237–239, para. 471.

76. Ввиду правового интереса всех государств (и интересов жертв) совершенные правонарушения не исчезают в результате правопреемства государств и могут послужить основанием для сатисфакции (в форме принятия мер уголовной ответственности) даже после даты правопреемства. Хотя такие ситуации — не повседневное явление, они случаются.

77. Несомненно, самой значимой ситуацией правопреемства государств в недавней истории, в которой имело место и совершение преступлений по международному праву, и наказание за них, стало разделение Социалистической Федеративной Республики Югославия. Процесс разделения происходил в 1991 и 1992 годах⁹⁸. Арбитражная комиссия Мирной конференции Европейских сообществ по Югославии (известная также как «Комиссия Бадэнтера») в своем заключении № 1 (29 ноября 1991 года) заявила, что Социалистическая Федеративная Республика Югославия находится в «процессе разделения»⁹⁹, а в своем заключении № 8 (4 июля 1992 года) констатировала, что этот процесс теперь завершен и что Социалистическая Федеративная Республика Югославия более не существует¹⁰⁰. Фактически, процесс разделения начался с провозглашения независимости Хорватией и Словенией 25 июня 1991 года. В определенном смысле этот процесс можно считать завершившимся 27 апреля 1992 года, когда две бывшие федеративные республики (Черногория и Сербия) создали Союзную Республику Югославии (впоследствии сменившую название на Государственный союз Сербии и Черногории).

78. Для целей настоящего анализа важно отметить, что преступления по международному праву имели место на территории бывшей Югославии и до, и после 27 апреля 1992 года. Некоторые из них рассматривались в Международном трибунале по бывшей Югославии, другие — в национальных судах государств-преемников (бывших республик Социалистической Федеративной Республики Югославия). Для целей этого доклада следует проводить различие между делами, переданными в национальные судебные органы Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии, и делами, которые национальные суды рассматривали самостоятельно.

79. Первая категория дел связана со стратегией завершения работы Международного трибунала по бывшей Югославии, принятой Советом Безопасности в 2003 году¹⁰¹. В соответствии со стратегией завершения своей работы Трибунал сосредоточил усилия на преследовании и привлечении к судебной ответственности наиболее высокопоставленных руководителей, тогда как другие дела передавались в национальные суды. Это стало возможным после внесения

⁹⁸ Этот процесс разделения не включает отделение Черногории от Сербии и Черногории (в июне 2006 года) и отделение Косово (в феврале 2008 года).

⁹⁹ *Opinion No. 1 of 29 November 1991*, Conference on Yugoslavia, Arbitration Commission, *International Law Reports*, vol. 92 (1993), pp. 162–166, at p. 166.

¹⁰⁰ См. *Opinion No. 8 of 4 July 1992*, *ibid.*, pp. 199–202, at p. 202. См. также В. Stern (ed.), *Le statut des États issus de l'ex-Yougoslavie à l'ONU : documents rassemblés et présentés par Brigitte Stern*, Paris, Montchrestien, 1996; А. Pellet, “Note sur la Commission d'arbitrage de la Conférence Européenne pour la paix en Yougoslavie”, *Annuaire français de droit international*, vol. 37 (1991), pp. 329–348; и М. С. R. Craven, “The European Community Arbitration Commission on Yugoslavia”, *British Yearbook of International Law*, vol. 66, No. 1 (1995), pp. 333–413.

¹⁰¹ См. резолюции Совета Безопасности 1503 от 28 августа 2003 года и 1534 от 26 марта 2004 года.

поправок в Правила процедуры и доказывания Международного трибунала по бывшей Югославии (правило 11 bis)¹⁰².

80. В общей сложности в суды государств-преемников бывшей Югославии, в основном Боснии и Герцеговины, было передано восемь дел, возбужденных в отношении 13 лиц (из 161 лица, которому Международный трибунал по бывшей Югославии предъявил обвинения)¹⁰³. Полезной иллюстрацией является дело *Обвинитель против Радована Станковича*. Г-н Радован Станкович был обвинен в порабощении и изнасиловании как преступлениях против человечности на основании статьи 5 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии в новой редакции, а также в изнасиловании и оскорблении личного достоинства как нарушениях законов и обычаев войны на основании статьи 3 Устава. В обвинительном заключении утверждалось, что вменяемые ему преступления были совершены в период с апреля по ноябрь 1992 года в муниципалитете Фоча. В соответствии со стратегией завершения работы Трибунала 21 сентября 2004 года обвинение ходатайствовало о передаче дела властям Боснии и Герцеговины¹⁰⁴. Руководствуясь правилом 11 bis Правил процедуры и доказывания Международного трибунала по бывшей Югославии, 17 мая 2005 года коллегия по передаче дел постановила передать дело властям Боснии и Герцеговины¹⁰⁵. 14 ноября 2006 года общегосударственный суд Боснии и Герцеговины признал Станковича виновным по четырем пунктам обвинения в преступлениях против человечности. Он был приговорен к 16 годам тюремного заключения¹⁰⁶. 17 апреля 2007 года апелляционная коллегия этого суда отклонила апелляцию Станковича и удовлетворила апелляцию государственного прокурора на приговор, увеличив срок наказания Станковича до 20 лет тюремного заключения¹⁰⁷. Разбирательство по делу завершилось в 2014 году после того, как Апелляционная камера Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов отклонила просьбу об аннулировании решения о передаче дела властям Боснии и Герцеговины¹⁰⁸.

¹⁰² Правило 11 bis (Передача обвинительного заключения другому суду), принято 12 ноября 1997 года, пересмотрено 30 сентября 2002 года и исправлено и дополнено впоследствии еще несколько раз, документ IT/32/Rev.26.

¹⁰³ См. раздел «Передача дел» на веб-сайте Международного трибунала по бывшей Югославии (на английском языке): www.icty.org/en/cases/transfer-cases.

¹⁰⁴ См. *Prosecutor v. Radovan Stanković, Case No. IT-96-23/2-PT, Request by the Prosecutor under Rule 11 bis of the Rules of Procedure and Evidence (RPE) for Referral of the Indictment to the State of Bosnia and Herzegovina*, 21 September 2004, International Tribunal for the Former Yugoslavia. См. *ibid.*, *Preliminary Order in Response to the Prosecutor's Motion under Rule 11 bis*, 27 September 2004, International Tribunal for the Former Yugoslavia; и *ibid.*, *Case No. MICT-13-51, Decision on Stanković's Appeal against Decision Denying Revocation of Referral and on the Prosecution's Request for Extension of Time to Respond*, 21 May 2014, Appeals Chamber, International Residual Mechanism for Criminal Tribunals.

¹⁰⁵ *Ibid.*, *Decision on Referral of Case Under Rule 11 bis (partly confidential and ex parte)*, 17 May 2005, Referral Bench, International Tribunal for the Former Yugoslavia, para. 96.

¹⁰⁶ *Ibid.*, *Case No. X-KR-05/70, Verdict of 14 November 2006*, Court of Bosnia and Herzegovina.

¹⁰⁷ См. *Prosecutor v. Radovan Stanković, Case No. MICT-13-51, Decision on Stanković's appeal against Decision Denying Revocation of Referral and on the Prosecution's Request for Extension of Time to Respond*, 21 May 2014, Appeals Chamber, International Residual Mechanism for Criminal Tribunals.

¹⁰⁸ Там же.

81. Вторая категория дел — это ряд дел, связанных с расследованием преступлений по международному праву и осуществлением судебного преследования в связи с ними, возбужденных национальными властями Хорватии, Боснии и Герцеговины, а также Сербии самостоятельно, без передачи из Международного трибунала по бывшей Югославии. Хотя производство по переданным делам можно рассматривать как выполнение решений, принятых на основании полномочий Совета Безопасности, учредившего как Международный трибунал по бывшей Югославии, так и Международный остаточный механизм для уголовных трибуналов, для целей настоящего доклада дела второй категории потенциально могут представлять больший интерес.

82. В последующих пунктах приводится краткий обзор хода осуществления судебного преследования в связи с преступлениями по международному праву в судах Хорватии, Сербии и Боснии и Герцеговины.

а) Хорватия

83. Хорватия провозгласила независимость 25 июня 1991 года, и соответствующая декларация вступила в силу 8 октября 1991 года. Существует несколько уголовных кодексов, которые могут влиять на порядок осуществления судебного преследования за преступления по международному праву в этой стране в рассматриваемый период (с начала войны и до настоящего времени). Первым из них был Уголовный кодекс Социалистической Федеративной Республики Югославия¹⁰⁹, который оставался в силе в Хорватии до 1991 года и затем был включен во внутреннее хорватское законодательство под названием «Основной уголовный кодекс»¹¹⁰. В Основном уголовном кодексе предусматривались наказания за такие преступления, как геноцид (ст. 119), военные преступления против гражданского населения (ст. 120) или военные преступления против военнопленных (ст. 122)¹¹¹. В 1998 году вступил в силу новый Уголовный кодекс¹¹², который впоследствии был заменен Уголовным кодексом 2011 года¹¹³.

84. В уголовном кодексе Социалистической Федеративной Республики Югославия составы преступлений против человечности и международного права были перечислены в главе 16, где, среди прочего, приводились определения,

¹⁰⁹ Текст на английском языке имеется на: www.refworld.org/docid/3ae6b5fe0.html.

¹¹⁰ I. Josipović, “Responsibility for war crimes before national courts in Croatia”, *International Review of the Red Cross*, vol. 88, No. 861 (March 2006), pp. 145–168, at p. 155.

¹¹¹ См. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ): доклад “Mission to Croatia: supplementary report: war crime proceedings in Croatia and findings from trial monitoring”, 22 June 2004, p. 3 (имеется на: www.osce.org/zagreb/33877).

¹¹² Текст на английском языке см.: www.vsrh.hr/CustomPages/Static/HRV/Files/Legislation__Criminal-Code.pdf.

¹¹³ Текст на английском языке см.: www.legislationline.org/download/id/7896/file/Croatia_Criminal_Code_2011_en.pdf.

геноцида (ст. 141)¹¹⁴, военных преступлений против гражданского населения (ст. 142)¹¹⁵ и военных преступлений против военнопленных (ст. 144)¹¹⁶.

85. В статье 141 Конституции Хорватии¹¹⁷ предусматривается, что ратифицированные международные договоры являются частью ее внутреннего правопорядка. Кроме того, Хорватия приняла специальный закон, касающийся судебного преследования за преступления по международному праву — Закон об имплементации Статута Международного уголовного суда и преследовании за преступления против международного права вооруженных конфликтов и гуманитарного права¹¹⁸. Хотя этот закон лишь частично распространяется на преступления, наказуемые в Международном уголовном суде, многие его статьи имеют общее применение¹¹⁹. Примечательно, что в статье 2 преступления определены как *«преступления по статье 5 Статута [Международного уголовного суда], любые преступления против международного права вооруженных конфликтов и гуманитарного права по хорватскому праву ... и другие преступления,*

¹¹⁴ «Любое лицо, которое с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу отдает приказание о совершении убийств членов такой группы или причинение им серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, или о насильственном перемещении населения, или о преднамеренном создании для такой группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на ее полное или частичное физическое уничтожение, или о мерах, рассчитанных на предотвращение деторождения в такой группе, или о насильственной передаче детей из этой группы в другую группу, или любое лицо, которое с тем же намерением совершает одно из вышеуказанных деяний, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок не менее пяти лет или в виде смертной казни» (текст на английском языке см.: www.refworld.org/docid/3ae6b5fe0.html).

¹¹⁵ «Любое лицо, которое в нарушение норм международного права, действующих во время войны, вооруженного конфликта или оккупации, отдает приказание о совершении в отношении гражданского населения таких действий, как убийства, пытки, бесчеловечное обращение, проведение биологических экспериментов, причинение тяжелых страданий, телесных повреждений или ущерба здоровью; переселение или перемещение или принуждение к смене гражданства или вероисповедания; принуждение к проституции или изнасилование; применение мер запугивания и террора, включая захват заложников, коллективные наказания, незаконное помещение в концентрационные лагеря и другие незаконные аресты и задержания, лишение прав на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство; принуждение к службе в вооруженных силах непричастельской державы или в ее разведывательной службе или администрации; принуждение к труду, обречение на голод, конфискация имущества, мародерство, незаконное и самовольное уничтожение и хищение в крупных размерах имущества, не оправданное военной необходимостью, взимание незаконных или непропорциональных сборов или реквизиция, девальвация национальной валюты или незаконная эмиссия валюты, или лицо, совершающее одно из вышеуказанных деяний, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок не менее пяти лет или в виде смертной казни» (*там же*).

¹¹⁶ «Лицо, которое в нарушение норм международного права отдает приказание о совершении в отношении военнопленных убийств, пыток или бесчеловечного обращения, включая биологические эксперименты, влекущие за собой причинение тяжелых страданий или серьезных увечий или ущерба здоровью, насильственной вербовки в вооруженные силы непричастельской державы или лишения права на беспристрастное судебное разбирательство, или лицо, совершившее некоторые из вышеперечисленных деяний, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок не менее пяти лет или смертной казни» (*там же*).

¹¹⁷ Английская версия текста с поправками, внесенными в период по 2010 год включительно, имеется на: www.constituteproject.org/constitution/Croatia_2010.pdf?lang=en.

¹¹⁸ *Official Gazette* No. 175/2003. Неофициальный английский перевод текста имеется на: www.vsrh.hr/CustomPages/Static/HRV/Files/Legislation__Implementation-Statute-International-CCPCI.pdf.

¹¹⁹ См. статью 45 Закона об имплементации Статута Международного уголовного суда и об уголовном преследовании за преступления против международного права вооруженных конфликтов и гуманитарного права.

подпадающие под юрисдикцию международных уголовных судов, *включая преступления против международного правосудия*» (курсив добавлен).

i) *Преступление геноцида*

86. Как явствует из статьи 119 Основного уголовного кодекса Хорватии, если не считать более широкой формулировки «насильственного перемещения населения», она фактически воспроизводит положения Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года¹²⁰. В Хорватии осуществлялось преследование за это преступление, однако нет уверенности в том, что соответствующие деяния были бы квалифицированы как геноцид, если бы они разбирались в международном суде¹²¹.

87. Так, попытка привлечь к ответственности за геноцид была предпринята в деле, ставшим известным как «дело о преступлении в Товарнике»¹²², хотя впоследствии первоначальное обвинение было переквалифицировано. Еще одно дело о геноциде, разбиравшееся в национальном суде Хорватии, — это «дело села Миклушевцы»¹²³. Однако в ходе разбирательства предъявленные фигурантам обвинения неоднократно пересматривались, и в результате никто из них не был признан виновным в геноциде. Двое обвиняемых были оправданы, а другие были осуждены за иные военные преступления¹²⁴.

ii) *Военные преступления*

88. Очевидно, что преследование за военные преступления имеет место гораздо чаще, чем преследование за преступление геноцида. Вместе с тем не все из этих дел связаны с преследованием за (предполагаемые) преступления, совершенные до выхода Хорватии из состава Югославии. Преследование за военные преступления против гражданского населения по статье 120 Основного уголовного кодекса имело место (хотя, конечно, с переменными результатами), например, в деле *Стояна Павловича и других*¹²⁵ или в деле *Митара Арамбашича и других*¹²⁶ (одному из других фигурантов этого дела было предъявлено обвинение в военных преступлениях против военнопленных по статье 122 Основного уголовного кодекса).

¹²⁰ United Nations, *Treaty Series*, vol. 78, No. 1021, p. 277.

¹²¹ См. ОБСЕ, доклад “Mission to Croatia: background report: domestic war crime trials 2004”, 26 April 2005, p. 22 (имеется на: www.osce.org/zagreb/14425).

¹²² Дело Милоша Станимировича и других. Описание этого дела и ссылки на некоторые относящиеся к нему документы (на английском языке) см. на портале Documenta, раздел «Преступление в Товарнике», имеется на: www.documenta.hr/en/crime-in-tovarnik.html.

¹²³ Описание и ссылки на официальные документы (на английском языке) см. там же, раздел «Преступление в Миклушевцах», имеется на <https://www.documenta.hr/en/crime-in-miklu%C5%A1evci.html>; а также на сайте War Crimes, “Verdicts map: Jugoslav Misljenovic ...”, имеется на: <https://warcrimesmap.balkaninsight.com/verdicts/jugoslav-misljenovic-milan-stankovic-dusan-stankovic-petar-lendjer-zdravko-simic-joakim-bucko-mirko-zdijak-dragan-ciric-zdenko-magoc-jovan-djuro-krosnjar-and-janko-ljekar/>.

¹²⁴ См. International Criminal Law Services, “Training materials: genocide”, section 6.7.2.2, pp. 60–61 (имеется на: <https://ici.global/0.5.1/wp-content/uploads/2018/03/icls-training-materials-sec-6-genocide.pdf>).

¹²⁵ Описание этого дела и ссылки на официальные документы (на английском языке) см. на портале Documenta, раздел «Преступление в Поповаче», имеется на: www.documenta.hr/en/crime-in-popovac.html; и портал «Военные преступления», раздел «Данные приговоров: Стоян Павлович...», имеется на: **Error! Hyperlink reference not valid.**

¹²⁶ Подробнее (на английском языке) см. Центр мира, ненасилия и прав человека — Осиек, «Преступление так называемой Перучской группы», имеется на: www.centar-zamir.hr/en/ps/zlocin-tzv-perucke-grupe/.

89. Также уместно вспомнить в этой связи дела *Ивицы Костурина и Дамира Врбана*¹²⁷, *Яблана Кейича*¹²⁸ и *Мирослава Йовича и Милана Станоевича*¹²⁹.

в) Сербия

90. Союзная Республика Югославия провозгласила независимость 27 апреля 1992 года. Новая республика сохранила старый уголовный кодекс Социалистической Федеративной Республики Югославия. Он был принят Сербией в качестве ее Основного уголовного кодекса. Кроме того, Сербия приняла закон об порядке функционирования и компетенции государственных органов по делам о военных преступлениях¹³⁰. Статья 2 гласит: «*Настоящий Закон применяется в отношении расследований, преследования и привлечения к суду по делам: 1) о преступлениях против человечности и международного права, изложенных в главе XVI Основного уголовного кодекса; 2) о серьезных нарушениях международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии с 1 января 1991 года, как это предусмотрено Уставом Международного трибунала по бывшей Югославии*» (курсив добавлен).

91. Стоит также отметить, что в соответствии со статьей 3 того же закона компетенция сербских властей осуществлять преследование за эти преступления распространяется на всю территорию бывшей Югославии.

и) Военные преступления

92. Преследование за военные преступления против гражданского населения по статье 142 Уголовного кодекса Социалистической Федеративной Республики Югославия имело место, например, в рамках дела *Станко Вуяновича*, рассматривавшегося в Высшем суде в Белграде¹³¹. Обвинение в военных преступлениях против военнопленных по статье 144 того же кодекса было предъявлено многим фигурантам в деле *Миролюб Вуйовича и других*¹³². Аналогичные обвинения были предъявлены и по многим другим делам, однако они касались деяний, совершенных в период после правопреимства.

¹²⁷ Подробности и ссылки на судебные решения см. портал «Военные преступления», раздел «Данные приговоров: Ивица Костурин и Дамир Врбан», имеется на: warcrimesmap.balkaninsight.com/verdicts/ivica-kosturin-damir-vrban/ (на английском языке).

¹²⁸ Подробности и ссылки на судебные решения см. портал «Военные преступления», раздел «Данные приговоров: Яблан Кейич» по адресу: <https://warcrimesmap.balkaninsight.com/verdicts/jablan-kejjic/> (на английском языке).

¹²⁹ Подробности и ссылки на судебные решения см. портал «Военные преступления», раздел «Данные приговоров: Милан Станоевич и Мирослав Йович», по адресу: <https://warcrimesmap.balkaninsight.com/verdicts/milan-sanojevic-miroslav-jovic/> (на английском языке).

¹³⁰ Доклад миссии ОБСЕ в Сербии и Черногории: “Law on Organisation and Competence of Government Authorities in War Crimes Proceedings” (в английском переводе), имеется на: www.osce.org/serbia/18571.

¹³¹ Подробнее см. портал Documenta, раздел «Преступление, совершенное в доме семьи Север в Вуковаре», имеется на: www.documenta.hr/en/crime-committed-in-the-home-of-the-sever-family-in-vukovar.html (на английском языке).

¹³² Подробнее см. в портал Documenta, раздел «Преступление в Овчаре (*Миролюб Вуйович и др.*)», имеется по адресу: www.documenta.hr/en/crime-in-ov%C4%8Dara-miroljub-vujovi%C4%87-et-al.-case.html (на английском языке).

ii) *Преступление геноцида*

93. В отличие от обвинений в военных преступлениях, обвинения в геноциде (по статье 141 Федерального уголовного кодекса Югославии) по данным на 2007 год в Сербии никому предъявлены не были¹³³.

c) **Босния и Герцеговина**

94. Уголовный кодекс, применимый к событиям периода войны в Боснии и Герцеговине, — это бывший уголовный кодекс Социалистической Федеративной Республики Югославия. Соответственно, применяются статьи о геноциде (ст. 141), военных преступлениях против гражданского населения (ст. 142) и другие. Однако имеющиеся ресурсы не дают информации о том, имело ли место преследование за преступления по международному праву, совершенные до правопреемства Боснии и Герцеговины.

95. Существует еще много других примеров внутригосударственного преследования за преступления по международному праву в рассматриваемых здесь странах. Но, поскольку большинство из них относится к периоду после даты правопреемства государств, они не могут быть включены в настоящий анализ.

96. Тем не менее рассмотренная практика государств, судя по всему, подтверждает, что вышеупомянутые государства-преемники могут осуществлять судебное преследование и в ряде случаев делали это в отношении некоторых преступлений по международному праву, даже если эти преступления были совершены до даты правопреемства, по крайней мере частично. Разумеется, следственные действия, предъявление обвинений и судебные разбирательства по этим делам велись на основании применимых национальных уголовных законов, хотя в этих законах часто используются определения международных преступлений. Национальным судам нет необходимости заниматься вопросами международного права, в частности вопросами правопреемства государств. В целом, в большинстве случаев уголовные дела касаются преступлений, совершенных после правопреемства государств, и как таковые не являются определяющими. В этой связи при составлении соответствующего проекта статьи необходим довольно осторожный и гибкий подход.

97. С учетом вышеизложенных соображений предлагается следующий проект статьи:

Проект статьи 18**Сатисфакция**

1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано предоставить сатисфакцию за вред, причиненный его международно-противоправным деянием, в той мере, в какой такой вред не может быть возмещен реституцией или компенсацией.

2. Пункт 1 не затрагивает вопроса о надлежащей сатисфакции, в частности посредством осуществления уголовного преследования за преступления по международному праву, которая может быть истребована или может быть предоставлена любым государством-преемником.

¹³³ B. Ivanišević, *Against the Current — War Crimes Prosecutions in Serbia*, International Center for Transitional Justice, 2007, pp. 4–5 (имеется на: www.ictj.org/sites/default/files/ICTJ-FormerYugoslavia-Crimes-Prosecutions-2007-English_1.pdf).

В. Прекращение и неповторение деяния

98. В этом подразделе предпринята попытка исследовать возможное влияние правопреемства государств на другие правовые последствия ответственности государств, помимо трех форм возмещения. Второй комплекс последствий включает обязанности по прекращению международно-противоправного деяния и по предоставлению заверений и гарантии неповторения. Обе обязанности, закрепленные в статье 30 (Прекращение и неповторение деяния) статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния¹³⁴, составляют неотъемлемую часть современной концепции ответственности государств, выходящей за рамки простого возмещения материального (и, возможно, морального) вреда.

99. И обязанность по прекращению, и обязанность по неповторению касаются и лежат в основе сохраняющейся обязанности исполнять нарушенное обязательство¹³⁵. Не вступая в интересную теоретическую дискуссию о первичном или вторичном характере этих обязанностей¹³⁶, Специальный докладчик хотел бы подтвердить то, что, по его мнению, вытекает из предыдущей работы Комиссии, в частности из статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Следовательно, обязанность исполнять нарушенное обязательство является нормальным, логическим проявлением первичной нормы, которая в соответствии с современным международным правом не прекращается и не исчезает (по крайней мере, автоматически) в силу самого факта ее нарушения. Таким образом, эта обязанность не относится к настоящей теме, которая касается возможного влияния правопреемства государств на вторичные нормы ответственности государств. Хотя общие нормы международного обычного права по-прежнему являются обязательными для всех государств, включая государство-преемник или государства-преемники, обязанность исполнять договорные обязательства подпадает под действие норм о правопреемстве государств в отношении договоров.

100. Иными словами, как отметила Комиссия, «сохранение в силе основополагающего обязательства является необходимым предположением в обоих случаях, поскольку если после нарушения обязательство перестает существовать, то вопрос о прекращении деяния не возникает, и не имеет смысла вести речь о заверениях и гарантиях»¹³⁷.

¹³⁴ Статья 30 гласит следующее: «Государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано:

- а) прекратить это деяние, если оно продолжается;
- б) предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства» (*Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 88).

¹³⁵ См. статью 29 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния: «Юридические последствия международно-противоправного деяния согласно настоящей части не затрагивают сохраняющейся обязанности ответственного государства по исполнению нарушенного обязательства» (*там же*).

¹³⁶ См., например, предварительный доклад об ответственности государств, подготовленный Специальным докладчиком Гаэтано Аранджо-Руисом, документ A/CN.4/416 и Add.1, с. 13, п. 31; С. Dominicé, “Observations sur les droits de l’État victime d’un fait internationalement illicite”, в Р. Weil (ed.), *Droit international*, vol. II, Paris, Pedone, 1982, p. 27; О. Corten, “The obligation of cessation”, в J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility* (сноска 22 выше), pp. 545–549, at p. 546; и К. Zemanek, “La responsabilité des États pour faits internationalement illicites ainsi que pour faits internationalement licites”, в Р. Weil (ed.), *Responsabilité internationale*, Paris, Pedone, 1988, p. 65.

¹³⁷ Пункт 1) комментария к статье 30 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 88.

101. Обязанности по прекращению и предоставлению заверений и гарантий неповторения — это, напротив, вторичные нормы. Это объясняется тем, что вопрос о прекращении (и о заверениях и гарантиях неповторения) возникает только в случае нарушения¹³⁸. Поэтому его следует рассмотреть в настоящем докладе. При этом по-прежнему важно проводить различие между этими двумя отдельными обязанностями, не только в силу их существа, но и с точки зрения правопреемства государств.

1. Прекращение

102. Обязанность по прекращению в меньшей степени подвержена воздействию проблем правопреемства государств на эту вторичную норму. Любое ответственное государство обязано «прекратить это деяние если оно продолжается». В принципе, обязанность по прекращению связывает государство-предшественник, ответственное за свое противоправное деяние, если оно продолжает совершать это деяние после даты правопреемства государств. Что касается государства-преемника, то оно должно нести все последствия своего собственного деяния после даты правопреемства государств. Это также подразумевает, что государство-преемник обязано прекратить это деяние (свое собственное деяние), если оно продолжается. Очевидно, что это основано на общих нормах ответственности государств, которые в полной мере применимы¹³⁹.

103. Это означает, что обязанность по прекращению перестает действовать, если речь идет о мгновенном или законченном противоправном деянии, но, если деяние носит длящийся характер, она сохраняется до тех пор, пока нарушение продолжается. В деле *Дипломатический и консульский персонал Соединенных Штатов в Тегеране* Международный Суд отметил, что «были также нарушены и продолжают нарушаться пункты 1 и 3 [статьи 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях], запрещающие агентам властей принимающего государства вступать в помещения представительства без согласия... Это является продолжающимся нарушением статьи 29 той же Конвенции, которая запрещает любой арест или задержание дипломатического агента»¹⁴⁰.

104. Обязанность по прекращению находит подтверждение в некоторых решениях Международного Суда, включая решения по вышеупомянутом делу *Дипломатический и консульский персонал Соединенных Штатов в Тегеране*¹⁴¹ и делу *Военная и полувоенная деятельность в Никарагуа и против нее*¹⁴². Она представляет собой общепризнанную норму общего международного обычного права. Она может даже считаться общим принципом права¹⁴³.

105. Вопрос об обязанности по прекращению рассматривался также арбитражным судом в разбирательстве по делу *«Рейнбоу Уорриор»*. Трибунал обратил внимание на «два неразрывно связанных существенных условия», необходимых для возникновения обязанности по прекращению, «а именно: противоправное деяние должно иметь длящийся характер и нарушенная норма в момент издания

¹³⁸ См. пункт 6) комментария к статье 30 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *там же*, с. 89.

¹³⁹ Однако это не отрицает взаимосвязи с вопросом о деяниях, имеющих постоянный характер (см. проект статьи 7, принятый Редакционным комитетом в предварительном порядке в 2019 году (A/CN.4/L.939/Add.1)), и с вопросом о составных деяниях (которые будут рассмотрены позднее).

¹⁴⁰ *United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran, Judgment, I.C.J. Reports 1980*, p. 3, at p. 36, para. 77.

¹⁴¹ *Ibid.*, at pp. 44–45, para. 95.

¹⁴² *Military and Paramilitary Activity in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986*, p. 14, at p. 149, para. 292 (12).

¹⁴³ См. Corten, “The obligation of cessation” (сноска 139 выше), at p. 546.

распоряжения должна находиться в силе»¹⁴⁴. Эти условия имеют большое значение даже в контексте правопреемства государств. Они в равной степени касаются государств-предшественников и государств-преемников в той мере, в какой эти государства несут ответственность за то или иное международно-противоправное деяние.

106. Для государства-предшественника обязанность по прекращению возникает, если оно продолжает существовать и продолжает совершать свое противоправное деяние даже после даты правопреемства государств. Второе условие заключается в том, что нарушенная норма должна оставаться в силе. Что касается государства-преемника, то оно несет обязанность по прекращению своего собственного деяния длящегося характера после даты правопреемства государств, если нарушенная норма продолжает действовать в отношении этого государства.

107. Условие, что первичное обязательство должно оставаться в силе и распространяться на государство-предшественник или государство-преемник (или на оба эти государства), допускает существование различных вариантов. Может случиться так, что первичное обязательство, нарушенное противоправным деянием, более не действует (или по меньшей мере неприменимо), поскольку оно аннулировано, приостановлено или временно неприменимо в силу возникновения обстоятельства, исключающего противоправность¹⁴⁵. Помимо этих обстоятельств, которые могут возникнуть в любом случае, ситуация правопреемства государств может породить еще одно, а именно: нарушенное договорное обязательство может быть неприменимо к государству-преемнику вследствие отсутствия правопреемства в отношении этого договора.

108. Следует вновь подчеркнуть, что обязанность по прекращению действует в силу обычных норм об ответственности государств и только в отношении деяний длящегося характера. В принципе, существующих норм об ответственности государств достаточно, и нет необходимости формулировать новые проекты статей в рамках данной темы. Кроме того, деяния, носящие длящийся характер, были рассмотрены во втором докладе Специального докладчика¹⁴⁶ и охватываются проектом статьи 7¹⁴⁷. Однако формулировка этого проекта статьи четко указывает на последствия международно-противоправного деяния, иные чем обязанность по прекращению: вместо этого она сосредоточена на возмещении ущерба. Поэтому последствия правопреемства государств для обязанности по прекращению следует разъяснить, по меньшей мере в комментарии.

¹⁴⁴ *Case concerning the difference between New Zealand and France concerning the interpretation of application of two agreements, concluded on 9 July 1986 between the two States and which related to the problems arising from the Rainbow Warrior Affair*, Decision of 30 April 1990 (см. сноску 92 выше), at pp. 270–271, para. 114.

¹⁴⁵ *Ibid.*, pp. 269–270, paras. 113–114. См. также Corten, “The obligation of cessation” (сноска 139 выше), p. 547.

¹⁴⁶ См. второй доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/719), пп. 53–62.

¹⁴⁷ См. проект статьи 7, принятый в предварительном порядке Редакционным комитетом (A/CN.4/L.939/Add.1): «Когда международно-противоправное деяние государства-преемника имеет длящийся характер в связи с международно-противоправным деянием государства-предшественника, международная ответственность государства-преемника распространяется только на последствия его собственного деяния после момента правопреемства государств. Если и в той мере в какой государство-предшественник признает и принимает деяние государства-предшественника как свое собственное, международная ответственность государства-преемника распространяется также на последствия такого деяния».

2. Эскурс: составные деяния

109. Строгие условия возникновения обязанности по прекращению (длящийся характер противоправного деяния) также ставят вопрос о составных деяниях. В комментарии к статье 30 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния отмечается, что, «хотя обязанность прекратить противоправное поведение будет в большинстве случаев возникать при совершении длящегося противоправного деяния, статья 30 охватывает также ситуации, в которых государство нарушило обязательство несколько раз, предполагая возможность дальнейших повторов»¹⁴⁸. По мнению Комиссии, слова «если оно продолжается» призваны охватить обе эти ситуации.

110. Поэтому вопрос о «составных деяниях», вкратце рассмотренный во втором докладе, нуждается в более тщательном изучении. Особый характер составных деяний может оказать влияние на определенные формы международной ответственности государств, включая обязанность по прекращению. В пункте 1 статьи 15 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния составное деяние определяется следующим образом: «Нарушение государством международно-правового обязательства посредством серии действий или бездействий, определяемых в совокупности как противоправные, происходит, когда происходит то действие или бездействие, которое, взятое вместе с другими действиями или бездействиями, является достаточным для того, чтобы составить международно-противоправное деяние». Как поясняется в комментарии Комиссии к этой статье, «составные деяния» ограничиваются нарушениями обязательств, касающихся определенного совокупного поведения, а не отдельно взятых действий как таковых¹⁴⁹.

111. Составные деяния относятся к ситуациям, при которых нарушение может быть установлено только при рассмотрении всей цепочки действий или бездействий в их последовательности¹⁵⁰. Согласно комментарию Комиссии, некоторые из наиболее серьезных международно-противоправных деяний определены в терминах их составного характера. Примеры включают «обязательства в отношении геноцида, апартеида или преступлений против человечности, систематических актов расовой дискриминации, систематических актов дискриминации, запрещенной торговыми соглашениями, и т.д.». Отдельное рассмотрение составных деяний в статье 15 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния оправдано значимостью этих обязательств¹⁵¹.

112. Другими словами, понятие «составного деяния» подразумевает ситуацию, при которой противоправное деяние состоит не в единичном действии, а в «практике» или «политике», носящей систематический характер. В деле *Ирландия против Соединенного Королевства* Европейский суд по правам человека определил практику, не совместимую с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека), как практику, заключающуюся «в совокупности идентичных или аналогичных нарушений, которые достаточно многочисленны и взаимосвязаны для того, чтобы составлять не просто самостоятельные инциденты или исключения, а определенную

¹⁴⁸ Пункт 3) комментария к статье 30 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 89.

¹⁴⁹ Пункт 6) комментария к статье 15 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *там же*, с. 62.

¹⁵⁰ См. Kolb (сноска 37 выше), р. 51.

¹⁵¹ Пункт 2) комментария к статье 15 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 62.

последовательность или систему; практика сама по себе не составляет нарушения, отличного от указанных нарушений»¹⁵².

113. Особый характер составного действия (а также одно из его отличий от длящихся деяний) заключается в том, что деяние свершается не в момент, когда имеет место первое действие или бездействие в серии, а лишь впоследствии, после серии действий или бездействий. Однако число действий или бездействий, которые должны произойти для того, чтобы имело место нарушение обязательства, определяется по формулировке и цели первичной нормы¹⁵³.

114. В то же время, хотя составные деяния состоят из серии действий или бездействий, определяемых в совокупности как противоправные, это не исключает возможности того, что каждое отдельное деяние может быть противоправным в соответствии с другим международным обязательством¹⁵⁴. Что касается соотношения между единичными деяниями и составными деяниями, то мы имеем дело, как представляется, с тремя альтернативами: а) отдельная единица поведения не подпадает под запрет по международному праву (например, единичное проявление ксенофобии), но практика того же поведения запрещена; б) отдельные единицы поведения противозаконны и носят тот же характер, что и систематическое поведение, также квалифицируемое как практика (например, порабощение, истребление, насильственное исчезновение или преследование); или в) отдельные единицы поведения противоправны и носят иной характер, чем систематическое поведение, как, например, в случаях геноцида, *апартеида*, преступлений против человечности или этнических чисток, когда нарушения (преступления) юридически квалифицируются иначе (как более серьезные), чем составляющие их единичные деяния (например, убийство, похищение людей, произвольный арест или изгнание)¹⁵⁵.

115. Это очень важное разграничение. Оно означает, что в некоторых случаях как единичные, так и составные деяния представляют собой отдельные международно-противоправные деяния и могут порождать ответственность одного или нескольких государств. В частности, в ситуациях правопреемства государств ключевое значение имеет выделение единичных деяний, образующих в совокупности составное деяние. Поскольку правопреемство государств не влияет на присвоение деяния, применяются общие нормы ответственности государств. Следовательно, некоторые единичные деяния могут быть присвоены государству-предшественнику, а другие — государству-преемнику. Тем не менее каждое из них несет международную ответственность за свои собственные действия или бездействие.

116. Два рассматривавшихся в Международном Суде дела *О применении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* могут лишь косвенным образом подкрепить этот анализ. В первом деле (*Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории)*) Суд постановил, что единичные акты геноцида были совершены в Сребренице и ее окрестностях

¹⁵² *Ireland v. the United Kingdom, Application no. 5310/71, Judgment of 18 January 1978, European Court of Human Rights, Reports of Judgments and Decisions, Series A, No. 25, para. 159.*

¹⁵³ Пункты 7)–8) комментария к статье 15 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 63.

¹⁵⁴ Там же, п. 9) комментария к статье 15.

¹⁵⁵ См. J. Salmon, “Duration of the breach”, в J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility* (сноска 22 выше), p. 392.

начиная приблизительно с 13 июля 1995 года¹⁵⁶. С учетом этой даты вопрос о правопреемстве государств не возникает. Кроме того, Суд признал, что другие серьезные злодеяния, совершенные на территории Боснии и Герцеговины (за исключением событий в Сребренице), геноцидом не являлись¹⁵⁷. Во втором деле (*Применение Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Хорватия против Сербии)*) был прямо поставлен вопрос об ответственности Сербии за действия, имевшие место до даты правопреемства (27 апреля 1992 года). Однако Суду не пришлось на него отвечать, поскольку он не установил никаких фактов нарушения нормы о запрещении геноцида¹⁵⁸.

117. Особый интерес для настоящей темы представляет вопрос о том, достаточно ли серии действий или бездействий, совершенных до или после даты правопреемства государств, для того, чтобы она могла считаться противоправным деянием составного характера. Или, наоборот, таким противоправным деянием может считаться только серия действий или бездействий, начавшихся до и продолжившихся после даты правопреемства государств по совокупности? Это исключительная ситуация, которая возникает, когда нормы об ответственности государств применяются в контексте правопреемства государств.

118. В таком случае важно учесть положение пункта 2 статьи 15 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, который касается продолжения составного деяния во времени¹⁵⁹. Настоящие проекты статей должны соответствовать этому положению, даже если составное деяние завершилось лишь после даты правопреемства государств. Однако есть одно очевидное условие. Как и в случае с деяниями длящегося характера, необходимо, чтобы нарушенное обязательство оставалось в силе и было обязательным для государства-преемника. Эта цель достигается при помощи формулировки «остаются не соответствующими международно-правовому обязательству».

119. И наконец, поскольку в настоящем докладе мы вновь обратились к теме составных деяний, на этот раз в связи с обязанностью по прекращению, возникает вопрос, есть ли необходимость в специальном проекте статьи на этот счет. По мнению Специального докладчика, такой необходимости нет. Как и в случае с длящимися деяниями, обязанность по прекращению ложится на государство, которое фактически действует (продолжает действовать) в нарушение своего обязательства. В соответствии с общими нормами об ответственности

¹⁵⁶ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro), Judgment, I.C.J. Reports 2007*, p. 43, at p. 166, para. 297.

¹⁵⁷ *Ibid.*, at p. 198, para. 376.

¹⁵⁸ *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Croatia v. Serbia)* (см. сноску 40 выше), at pp. 128–129, paras. 441–442: «Из вышеизложенного следует, что Хорватия не обосновала свое заявление о том, что было совершено преступление геноцида. Соответственно, вопрос об ответственности по Конвенции за совершение геноцида в настоящем деле не возникает. ... Следовательно, Суд не обязан выносить решение относительно неприемлемости основного иска, на которой настаивала Сербия применительно к деяниям, имевшим место до 8 октября 1991 года. Также ему нет необходимости рассматривать вопрос о том, могут ли действия, предположительно совершенные до 27 апреля 1992 года, быть присвоены [Социалистической Федеративной Республике Югославия], или, если это так, то является ли Сербия преемницей [в отношении ответственности Социалистической Федеративной Республики Югославия] в связи с этими действиями».

¹⁵⁹ «В этом случае нарушение длится в течение всего периода начиная с первого из действий или бездействий данной серии и продолжается, пока такие действия или бездействия повторяются и остаются не соответствующими международно-правовому обязательству» (*Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 62).

государств такая обязанность может возникать и для государства-предшественника, и для государства-преемника.

120. Однако природа составных деяний и возможное влияние правопреемства государств на ответственность за их совершение несколько иная, чем в случае с делящимися деяниями, охватываемыми проектом статьи 7, принятым Редакционным комитетом в предварительном порядке на семьдесят первой сессии Комиссии. Поэтому и в интересах сохранения согласованности с предыдущей работой Комиссии (ее статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния) следует предложить новый проект статьи. Схожее положение о составных деяниях присутствует также в пункте 2 статьи 9 Таллинской резолюции Института международного права «О правопреемстве государств в вопросах ответственности государств»¹⁶⁰. Его можно было бы поместить рядом с проектом статьи 7 в общей части настоящих проектов статей.

121. В свете вышеизложенного предлагается следующий проект статьи 7 bis:

Проект статьи 17 bis
Составные деяния

1. Когда международно-противоправное деяние государства-преемника имеет составной характер, международная ответственность государства-предшественника и/или государства-преемника возникает в случае, если имеет место серия действий или бездействий, определяемых в совокупности как противоправные. Если данное действие или бездействие, взятое в совокупности с другим действием или бездействием, является достаточным для того, чтобы составить противоправное деяние либо государства-предшественника, либо государства-преемника, такое государство несет ответственность только за последствия своего собственного деяния.

2. Однако если международно-противоправное деяние имеет место только после последнего действия или бездействия государства-преемника, то международная ответственность этого государства распространяется на весь период, начиная с первого из этих действий или бездействий, и продолжается, пока такие действия или бездействия повторяются и остаются не соответствующими международно-правовому обязательству.

3. Положения пунктов 1 и 2 не затрагивают ответственности, которую государство-предшественник или государство-преемник несет в силу единичного деяния, если и в той мере, в какой оно составляет нарушение любого международного обязательства, действующего для этого государства.

3. Заверения и гарантии неповторения

122. Далее необходимо рассмотреть вопрос о заверениях и гарантиях неповторения. Это второе последствие международно-противоправного деяния, предусмотренное в статье 30 b) статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния. Согласно этому положению государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано «предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства».

¹⁶⁰ Институт международного права, Таллинская сессия (2015); окончательный текст имеется на: www.idi-iil.org, раздел «Резолюции» (на английском языке)). См. также Kohen and Dumberry (сноска 80 выше), pp. 58–64.

123. Отмечается, что гарантии неповторения выполняют функцию, отличную от других форм возмещения, включая принесение извинений: в то время как другие формы возмещения призваны исправить ошибки прошлого, гарантии неповторения имеют целью, как по форме, так и по содержанию, предотвратить нарушения в будущем¹⁶¹. Подобно обязанности по прекращению (и в отличие от возмещения) эта обязанность касается будущего. Обе они направлены на предотвращение совершения ответственным государством аналогичных нарушений¹⁶². И здесь опять-таки необходимо, чтобы первичное обязательство сохранилось и оставалось в силе¹⁶³. Главное отличие заключается в характере международно-противоправного деяния. Это может быть единичное (мгновенное), но не длящееся деяние. Иными словами, для того чтобы при определенных обстоятельствах возникла обязанность предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения, международно-противоправное деяние должно быть окончено.

124. В то же время использование в подпункте b) статьи 30 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния слов «надлежащие» и «если того требуют обстоятельства» означает, что предоставление заверений и гарантий неповторения допускает гораздо больше гибкости и не требуется во всех случаях. Как правило, они испрашиваются в тех случаях, когда потерпевшее государство имеет основания полагать, что простое возмещение (в форме реституции или компенсации) не обеспечит ему удовлетворительной защиты¹⁶⁴.

125. Впервые Международный Суд удовлетворил требование о предоставлении гарантий неповторения в деле *Лагранды*. Суд отметил, что «принесения извинений [братьям Лаграндам] недостаточно ни в данном деле, ни в любом другом, когда иностранным гражданам не сообщают незамедлительно о правах, которые они имеют согласно пункту 1 статьи 36 Венской конвенции [о консульских сношениях¹⁶⁵], и когда эти граждане длительное время находятся под стражей или приговариваются к строгим наказаниям»¹⁶⁶.

126. Далее Суд счел, что «Соединенным Штатам надлежало предоставить возможность проведения повторного рассмотрения и пересмотра осуждения и приговора с учетом нарушения прав, закрепленных в [Венской конвенции о консульских сношениях]»¹⁶⁷, ответив таким образом на требование Германии о предоставлении гарантий. Суд заявил, что «это [взятое Соединенными Штатами на себя] обязательство [обеспечить осуществление конкретных мер, принятых во исполнение обязательств по пункту 1 b) статьи 36 Венской конвенции о консульских сношениях] должно рассматриваться как удовлетворяющее просьбу Федеративной Республики Германия о предоставлении общего заверения относительно недопущения подобных действий в будущем»¹⁶⁸.

¹⁶¹ См. C. J. Tams, “Recognizing guarantees and assurances of non-repetition: *LaGrand* and the law of State responsibility”, *The Yale Journal of International Law*, vol. 27 (2002), pp. 441–444, at p. 443, имеется на: <https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1185&context=yjil>.

¹⁶² См. S. Barbier, “Assurances and guarantees of non-repetition”, в J. Crawford, A. Pellet and S. Olleson (eds.), *The Law of International Responsibility* (сноска 22 выше), pp. 551–561.

¹⁶³ См. Kolb (сноска 37 выше), p. 151.

¹⁶⁴ Пункт 9) комментария к статье 30 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 89–90.

¹⁶⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 596, No. 8638, p. 261.

¹⁶⁶ *LaGrand* (см. сноску 32 выше), at p. 512, para. 123.

¹⁶⁷ *Ibid.*, at pp. 513–514, para. 125.

¹⁶⁸ *Ibid.*, at pp. 512–513, para. 124, and p. 516, para. 128 (6).

127. Требования о предоставлении заверений и гарантий неповторения выдвигались и в других делах, рассматривавшихся Международным Судом. В трех случаях Суд счел невозможным поддержать такое требование¹⁶⁹. В двух других случаях Суд постановил, что просьба о предоставлении гарантий неповторения была удовлетворена посредством принятия на себя государствами-ответчиками соответствующих обязательств¹⁷⁰. Следует отметить, что в этих случаях Суд не ставил под сомнение ни право потерпевшего государства на получение гарантий неповторения, ни обязанность ответственного государства предоставить такие гарантии или заверения¹⁷¹. Скорее, он подтвердил подход Комиссии, воплощенный в тексте статьи 30 b) статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, по которому ответственное государство обязано предоставить такие заверения и гарантии только в том случае, «если того требуют обстоятельства», что имеет место не всегда.

128. Кроме того, на практике обязанность по предоставлению заверений и гарантий неповторения всегда рассматривается как полностью самостоятельное следствие международно-противоправного деяния. В частности, сохраняется неопределенность в вопросе о взаимосвязи между заверениями и гарантиями неповторения¹⁷². В своем комментарии Комиссия признает, что «заверения или гарантии неповторения могут испрашиваться через обеспечение сатисфакции (например, отмена законодательства, позволившего совершить нарушение), и между этими двумя понятиями на практике существует частичное совпадение»¹⁷³.

129. Вопрос, возникающий в связи с настоящей темой, состоит в том, могут ли заверения и гарантии неповторения иметь место также в контексте правопреемства государств. Примечательно, что своих доводах в деле *Проект «Габчи-ково — Надьмарош» Венгрия и Словакия* ссылались на гарантии неповторения как на одно из последствий противоправного деяния, но Суд не стал высказываться по этому вопросу¹⁷⁴. Конечно, данное решение было вынесено еще до того, как Комиссия приняла во втором чтении свои статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния в 2001 году, и до разбирательства по делу *Лагранды*, в котором Суд впервые поддержал требование о гарантиях неповторения.

130. Хотя дел о спорах между государствами, в которых Международный Суд удовлетворял требования о предоставлении заверений и гарантий или высказывался по этому вопросу, немного, эти формы последствий ответственности чаще встречаются в практике государств и, главным образом, в практике международных судов и договорных органов по правам человека. В частности, Комитет по правам человека подтвердил, что государство, ответственное за нарушение

¹⁶⁹ *Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria; Equatorial Guinea intervening)*, Judgment, *I.C.J. Reports 2002*, p. 303, at p. 452, para. 318; *Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro)* (см. сноску 159 выше), Judgment, *I.C.J. Reports 2007*, at pp. 235–236, para. 466; и *Dispute Regarding Navigational and Related Rights (Costa Rica v. Nicaragua)*, Judgment, *I.C.J. Reports 2009*, p. 213, at p. 267, para. 150.

¹⁷⁰ См. *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, Judgment, *I.C.J. Reports 2004*, p. 12, at p. 73, para. 153 (10); и *Armed Activities on the Territory of the Congo* (сноска 32 выше), at p. 256, para. 257.

¹⁷¹ См. Barbier (сноска 165 выше), p. 554.

¹⁷² *Ibid.*, p. 556.

¹⁷³ Пункт 11) комментария к статье 30 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 90.

¹⁷⁴ *Gabčíkovo–Nagyymaros Project* (см. сноску 61 выше), at pp. 74–75, paras. 127 and 129.

Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁷⁵, обязано «принять эффективные меры» для обеспечения того, чтобы подобные нарушения не повторялись в будущем¹⁷⁶.

131. Заверения и гарантии неповторения могут предоставляться в различных формах¹⁷⁷. Хотя конкретные формы в статье 30 b) не предусмотрены, Комиссия поясняет в своем комментарии, что, «как правило, заверения предоставляются в устной форме, тогда как гарантии неповторения предполагают нечто большее — например, принятие ответственным государством превентивных мер во избежание повторения нарушения. Что касается типа гарантий, которые могут испрашиваться, то международная практика в этом вопросе неоднородна»¹⁷⁸.

132. В дополнение к общим заверениям и гарантиям ответственному государству может быть предложено принять конкретные меры, например дать конкретные указания своим представителям и принять или отменить некоторые законодательные положения. Предписание таких далекоидущих превентивных мер получило распространение в основном в практике международных органов по правам человека, таких как Комитет по правам человека¹⁷⁹. В ряде дел постановления о принятии таких мер выносились также Межамериканским судом по правам человека¹⁸⁰ и Европейским судом по правам человека¹⁸¹.

¹⁷⁵ United Nations, *Treaty Series*, vol. 999, No. 14668, p. 171.

¹⁷⁶ См. например, следующие решения: *Ратиани против Грузии*, сообщение № 975/2001, Доклад Комитета по правам человека, т. II, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, шестидесятая сессия, Дополнение № 40 (A/60/40)*, приложение V.J, с. 88, п. 13; *Платонов против России*, сообщение № 1218/2003, там же, *шестидесят первая сессия, Дополнение № 40 (A/61/40)*, приложение V.NN, с. 339, п. 9; и *Праведная сестра Жозефа и др. против Шри-Ланки*, сообщение № 1249/2004, там же, приложение V.PP, с. 354, п. 9.

¹⁷⁷ См. Barbier (сноска 165 выше), pp. 559–561.

¹⁷⁸ Пункт 12) комментария к статье 30 статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, *Ежегодник... 2001*, т. II (часть вторая) и исправление, с. 90.

¹⁷⁹ См., например: *Блажек и др. против Чешской Республики*, сообщение № 857/1999, Доклад Комитета по правам человека, т. II, *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят шестая сессия, Дополнение № 40 (A/56/40)*, приложение X.P, с. 173, п. 7; *Фьялковская против Польши*, сообщение № 1061/2002, там же, *шестидесятая сессия, Дополнение № 40 (A/60/40)*, приложение V.L, с. 109, п. 10; и *Ли против Республики Корея*, сообщение № 1119/2002, там же, приложение X.U, с. 179, п. 9.

¹⁸⁰ См., например, *Castillo Petruzzi et al. v. Peru, Judgment of 30 May 1999*, Inter-American Court of Human Rights, *Series C*, No. 52 (1999), para. 22.

¹⁸¹ См., например, *Broniowski v. Poland, Application no. 31443/96, Judgment of 22 June 2004*, Grand Chamber, European Court of Human Rights, *Reports of Judgments and Decisions 2004-V*, paras. 192 and 200.4; и *D. H. and Others v. The Czech Republic, Application no. 57325/00, Judgment of 13 November 2007*, Grand Chamber, European Court of Human Rights, *Reports of Judgments and Decisions 2007-IV*, para. 216: «Суд вновь заявляет, во-первых, что в соответствии со статьей 46 [Европейской конвенции по правам человека] Высокие Договаривающиеся Стороны обязались выполнять окончательные решения Суда в любом деле, сторонами которого они являются, при этом их исполнение контролируется Комитетом министров. Из этого следует, среди прочего, что решение, в котором Суд признает факт нарушения, налагает на государство-ответчик юридическое обязательство не только выплатить соответствующим лицам суммы, присужденные в порядке справедливой сатисфакции в соответствии со статьей 41, но и избрать, под надзором Комитета министров, общие и/или, в надлежащих случаях, индивидуальные меры, которые должны быть приняты в рамках его внутренней правовой системы, с тем чтобы положить конец нарушению, факт которого был установлен Судом, и устранить, насколько это возможно, его последствия. Однако государство-ответчик остается свободным в выборе средств, с помощью которых оно будет выполнять свое юридическое обязательство по статье 46 Конвенции, при условии, что такие средства совместимы с выводами, изложенными в решении Суда».

133. Прямое отношение к рассматриваемой теме (правопреемство государств) имеет, в частности, дело *Блазек и др.*, так как меры, которые привели к дискриминации нескольких бывших граждан Чехословакии (в нарушение статьи 26 Международного пакта о гражданских и политических правах), имели место до даты правопреемства государств (до 1 января 1993 года). Даже не касаясь факта правопреемства, Комитет по правам человека счел, что Чешская Республика «обязана обеспечить авторам эффективное средство правовой защиты, включая возможность подать новое требование о реституции или компенсации. Комитет далее призывает государство-участник пересмотреть свое соответствующее законодательство и административную практику с целью обеспечить, чтобы ни закон, ни его применение не влекли за собой дискриминацию в нарушение статьи 26 [Международного пакта о гражданских и политических правах]»¹⁸².

134. Таким образом, обязанность предоставить заверения и гарантии неповторения, как представляется, может возникать, пусть и в исключительных случаях, даже в ситуациях правопреемства государств, если того требуют обстоятельства. Это может быть уместно, в частности, в случаях, когда международное обязательство нарушается в силу применения нормы национального закона или установившейся административной практики и когда орган территориальной единицы государства-предшественника становится органом государства-преемника. Кроме того, в полной мере применимо общее условие, согласно которому обязательство, нарушенное международно-противоправным деянием, должно оставаться в силе. Также, учитывая довольно исключительный характер мер, предлагаемых или запрашиваемых в качестве «заверений и гарантий неповторения», Специальный докладчик предлагает довольно гибкую формулировку с использованием оборота «может требовать».

135. В проекте статьи не уточняется взаимосвязь между заверениями и гарантиями неповторения и другими формами ответственности. Возможно, что другие формы, включая сатисфакцию, могут оказаться достаточным возмещением. Последовательное использование формулировки «если того требуют обстоятельства» отвечает этой цели, передавая мысль о том, что единственным основанием для возникновения этой формы юридических последствий международно-противоправного деяния является наличие особых обстоятельств. Эти обстоятельства будут рассмотрены в комментариях.

136. В свете вышеизложенного предлагается следующий проект статьи:

Проект статьи 19

Заверения и гарантии неповторения

1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства, даже после даты правопреемства государств.

2. При условии, что обязательство, нарушенное международно-противоправным деянием, остается в силе после даты правопреемства государств в отношениях между государством-преемником и другим заинтересованным государством, и если того требуют обстоятельства:

а) государство, потерпевшее в результате международно-противоправного деяния государства-предшественника, может потребовать от государства-преемника предоставления надлежащих заверений и гарантий неповторения деяния; и

¹⁸² *Блазек и др. против Чешской Республики* (см. сноску 179 выше), с. 173, п. 7.

б) государство — преемник государства, потерпевшего в результате международно-противоправного деяния другого государства, может потребовать от этого государства предоставления надлежащих заверений и гарантий неповторения деяния.

Часть третья — Будущая работа

IV. Будущая программа работы

137. В своей последующей работе над этой темой Специальный докладчик продолжит придерживаться программы работы, изложенной в его первом докладе¹⁸³ и дополненной во втором докладе¹⁸⁴. В частности, в пятом докладе будут рассмотрены правовые проблемы, возникающие в ситуациях, когда имеется несколько государств-преемников, — проблема множественности потерпевших государств-преемников и множественности ответственных государств-преемников. В этой связи в пятом докладе можно было бы также рассмотреть проблему общей ответственности и исследовать вопрос о том, может ли, и если да, то в какой мере, эта концепция служить ориентиром в отношении применения норм об ответственности государств в ситуациях правопреемства государств. Кроме того, в пятом докладе можно рассмотреть некоторые прочие и технические вопросы, касающиеся, например, изменения нумерации и окончательной доработки структуры проектов статей.

138. В зависимости от того, как будет продвигаться обсуждение докладов Специального докладчика, в частности проектов статей, переданных в Редакционный комитет, весь набор проектов статей может быть принят в первом чтении в 2021 году.

¹⁸³ Первый доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/708), п. 133.

¹⁸⁴ Второй доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств (A/CN.4/719), п. 191.

Приложение

Текст проектов статей, предложенных в четвертом докладе

Проект статьи 17 bis

Составные деяния

1. Когда международно-противоправное деяние государства-преемника имеет составной характер, международная ответственность государства-предшественника и/или государства-преемника возникает в случае, если имеет место серия действий или бездействий, определяемых в совокупности как противоправные. Если данное действие или бездействие, взятое в совокупности с другим действием или бездействием, является достаточным для того, чтобы составить противоправное деяние либо государства-предшественника, либо государства-преемника, такое государство несет ответственность только за последствия своего собственного деяния.
2. Однако если международно-противоправное деяние имеет место только после последнего действия или бездействия государства-преемника, то международная ответственность этого государства распространяется на весь период, начиная с первого из этих действий или бездействий, и продолжается, пока такие действия или бездействия повторяются и остаются не соответствующими международно-правовому обязательству.
3. Положения пунктов 1 и 2 не затрагивают ответственности, которую государство-предшественник или государство-преемник несет в силу единичного деяния, если и в той мере, в какой оно составляет нарушение любого международного обязательства, действующего для этого государства.

Проект статьи 16

Реституция

1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано осуществить реституцию, если и в той мере, в какой реституция не является материально невозможной или не влечет за собой совершенно непропорциональное бремя.
2. Если, ввиду природы реституции, только государство-преемник или только одно из государств-преемников в состоянии осуществить такую реституцию или если реституция невозможна без участия государства-преемника, государство, потерпевшее от международно-противоправного деяния государства-предшественника, может потребовать от этого государства-преемника осуществления такой реституции или участия в ее осуществлении.
3. Пункты 1 и 2 не затрагивают какого-либо распределения ответственности или иного соглашения, которое может существовать между государством-преемником и государством-предшественником.
4. Государство-преемник может потребовать реституции от государства, которое совершило международно-противоправное деяние в отношении государства-предшественника, если вред, причиненный этим деянием, продолжает затрагивать территорию или лиц, которые после даты правопреемства государств находятся под юрисдикцией государства-преемника.

Проект статьи 17

Компенсация

1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано компенсировать ущерб, причиненный его международно-противоправным деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией.
2. В особых обстоятельствах государство, потерпевшее от международно-противоправного деяния, может требовать компенсации от государства-преемника или одного из государств-преемников при условии, что государство-предшественник перестало существовать или что это государство-преемник продолжает извлекать выгоду из такого деяния после даты правопреемства.
3. Пункты 1 и 2 не затрагивают какого-либо распределения ответственности или иного соглашения, которое может существовать между государством-преемником и государством-предшественником.
4. Государство-преемник может требовать компенсацию от государства, которое совершило международно-противоправное деяние против государства-предшественника, при условии что государство-предшественник перестало существовать или государство-преемник продолжает страдать от вредных последствий такого международно-противоправного деяния после даты правопреемства.

Проект статьи 18

Сатисфакция

1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано предоставить сатисфакцию за вред, причиненный его международно-противоправным деянием, в той мере, в какой такой вред не может быть возмещен реституцией или компенсацией.
2. Пункт 1 не затрагивает вопроса о надлежащей сатисфакции, в частности посредством осуществления уголовного преследования за преступления по международному праву, которая может быть истребована или может быть предоставлена любым государством-преемником.

Проект статьи 19

Заверения и гарантии неповторения

1. В случаях правопреемства государств, когда государство-предшественник продолжает существовать, это государство обязано предоставить надлежащие заверения и гарантии неповторения деяния, если того требуют обстоятельства, даже после даты правопреемства государств.
2. При условии, что обязательство, нарушенное международно-противоправным деянием, остается в силе после даты правопреемства государств в отношениях между государством-преемником и другим заинтересованным государством, и если того требуют обстоятельства:
  - а) государство, потерпевшее в результате международно-противоправного деяния государства-предшественника, может потребовать от государства-преемника предоставления надлежащих заверений и гарантий неповторения деяния; и

b) государство — преемник государства, потерпевшего в результате международно-противоправного деяния другого государства, может потребовать от этого государства предоставления надлежащих заверений и гарантий неповторения деяния.
